



С. З. ТЕМИРХАНОВА



ФИЛОСОФСКИЕ
МОТИВЫ В ПОЭЗИИ

**МАГЖАНА
ЖУМАБАЕВА**



Издательство
«Северный Казахстан»

С. З. ТЕМИРХАНОВА
кандидат филологических наук



**ФИЛОСОФСКИЕ
МОТИВЫ В ПОЭЗИИ
МАГЖАНА
ЖУМАБАЕВА**

г. Петропавловск
2020 г.

УДК 821.161.1 (574)

ББК 84 Рус-5

Т 62

Темирханова С. З.

Т 62 Философские мотивы в поэзии Магжана Жумабаева / С. З. Темирханова. - Петропавловск: - Издательство «Северный Казахстан», 2020. - 100 с.

ISBN 978-601-7958-17-9

В книге впервые поэзия Магжана Жумабаева рассматривается под углом космоизма и экзистенциализма. Будучи символистом, Жумабаев определил свое место в поэзии, став одним из первых казахстанских поэтов, построивших свою лирику на философских началах. Также рассматривается влияние трагической судьбы поэта на его поэтическое творчество.

Свидетельство о внесении сведений в государственный реестр прав на объекты, охраняемые авторским правом на произведение «Философские мотивы в поэзии Магжана Жумабаева», № 4640 от 23 июля 2019 года выдано РГП «Национальный институт интеллектуальной собственности» Темирхановой Сауле Зейнишевне.

562435

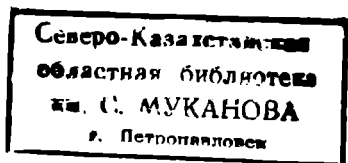
УДК 821.161.1 (574)

ББК 84 Рус-5

ISBN 978-601-7958-17-9

© Темирханова С.З., 2020

© Издательство «Северный Казахстан», 2020



Содержание

Жизнь и судьба.....	10
Философия космизма в поэзии Магжана Жумабаева.....	27
Экзистенциализм в поэзии Магжана	55
Магжан Жумабаев и моя семья.....	77
Архивные документы	83
Список литературы	93

Предисловие
к монографии кандидата
филологических наук С.З. Темирхановой
«Философские мотивы
в поэзии Магжана Жумабаева»

Данная монография является результатом многолетних исследований автором творчества одного из самых известных казахстанских писателей 19 века Магжана Жумабаева, а именно о философских мотивах в его поэзии. Структура монографии представлена из четырех взаимосвязанных глав.

Первая глава посвящена жизни и судьбе основателя новой казахской литературы, во второй главе автор затрагивает философский космизм в поэзии Магжана Жумабаева и в третьей о экзистенциализме в поэзии Магжана, в четвертой главе изложены воспоминания и преклонение перед талантом М.Жумабаева семьи автора. Такое построение монографии вполне правомерно и возражений не вызывает.

Заслуживает внимания авторский подход к интерпретации и анализу произведений Жумабаева. В своей работе автор акцентирует внимание на основных чертах поэзии поэта таких, как обострённый трагизм, чувства одиночества и тоски, необыкновенный лиризм и метафористичность. Автором поэтапно изложен не только жизненный путь и судьба Магжана Жумабаева, но и его становление как поэта, писателя, публициста.

С.З. Темирханова утверждает, что Магжан Жумабаев отразил в своём творчестве духовные искания казахской интеллигенции, в большинстве своём алашординцев, которые были в течение последних нескольких десятилетий уничтожены физически «красным террором». Она считает, что тема жертвенности у Магжана – центральная в его лирике, перекликается с темой одиночества, обречённости и стремления к смерти. Он был гениальным одиночкой, очень далеко и высоко опередившим своих современников-литераторов.

Следует отметить, что казахский народ считает Магжана законным продолжателем традиций великого Абая. Именно Магжан ввёл огромный вклад в духовное пополнение и ка-

чественную связь русской и казахской поэзии. М. Жумабаев, владея многими языками стал заниматься переводами. он перевёл на казахский язык и издал «Песню о Буревестнике» Горького, «Белого коня» Мамина-Сибиряка, рассказы Вс. Иванова, написанные о жизни казахов.

Вторая глава посвящена философскому направлению под названием «русский космизм». Автором даны определения на следующие термины: Космизм – это учение о взаимодействии человека и мира, построенное на глобальном планетарном мышлении. Макрокосм и микрокосм – одно из древнейших натурфилософских концепций, выраженная уже в космогонической мифологеме «вселенского прачеловека», из плоти которого возникла земля, из костей – камни. из крови – реки, из волос – деревья, из дыхания – ветер, и т.д.

Развитие космизма стало возможным благодаря литературно-художественному и мировоззренческому направлению в культуре последней четверти 19 и начала 20 века, а именно символизму. А Магжан – символист и проповедует философию космизма первый в казахской поэзии. «...сын космоса, я ваш лишь до поры...». «я сам и царь, и сам себе – судья...» / «өзім – патша, өзім қазы, өзім – би, Қандай ессіз не қылдын деп тергейді...».

У Жумабаева в стихотворении «Осенний день» художественная картина мира является сложным образованием. Она (картина) динамична, многоголосна и наложен на неё отпечаток человеческих жизней и страданий.

С.З. Темирханова утверждает, что связь человека с природой, с мирозданием развёрнута у Магжана в серию картин, иллюстрирующих внутренние переживания личности. Все тайные движения природы и Космоса находят чуткий отклик в душе человека, чья жизнь – микрокосм.

Человек и природа изначально едины. Они части единого целого – мира, космоса, но как только гармония нарушается, приходит разлад человека и мира. Отсюда дисгармония, опустошение. Отсюда и мотивы странничества и одиночества.

В своей поэзии поэт Магжан нашёл своё истинное лицо и величие человека – творца в образе Солнца и Огня, которое изобилует сравнениями: я – сын солнца; я – огонь; я – сын зари и огня; я – стрела.

В третьей части дано обоснование экзистенциалистских принципов, определение взаимосвязи философской концепции и литературных произведений, а также проявление особенностей экзистенциализма в искусстве, театре, музыке, кино.


Следует поддержать позицию автора, который на первый план выдвигает в поэзии Магжана философское выражение глубоких потрясений его времени. Тема одиночества, смерти, образ савана – смертной одежды не случайны в лирике поэта, в которых постоянны эпитеты как «мёртвая голая степь», «чёрная туча», «голос мой, полный печали и боли», «несчастный казах».

По мнению автора, в стихах Магжана выражается отношение к смерти с точки зрения ислама. Люди к смерти всегда относились неоднозначно: одни не хотели думать о ней, другие пытаются усмотреть её тайну, усмотреть её суть, чтобы избавиться от ощущения враждебности к ней. По мнению М. Жумабаева религиозная мысль предполагает иное представление и другую модель поведения человека перед лицом неизбежного исчезновения из этого мира.

Подводя итоги, считаю необходимым отметить, что не подлежит сомнению востребованность монографии С.З. Темирхановой. Книга будет полезна для широкого круга читателей. Она хорошо «вписывается» в учебный процесс и может быть рекомендована студентам, изучающим основы стихосложения, культурологию, философию. Монография может послужить «отправной точкой» для детального исследования творчества многих поэтов и писателей Казахстана.

*Серикова Самал Кауржановна
PhD, старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы КазНПУ им. Абая*

*Посвящаю светлой памяти
отца Зейниша Кабдолловича
и матери Сапуры Кожаметовны*



Жизнь и судьба

Жизнь и судьба

*«... И вновь воскресает из мрака
Поэта высокая речь...
Ведь слово высокое – плаха
Не в силах забвенью обречь.
И тянутся люди, как к свету,
К ожившему чуду в стихах,
Незрим постамент у поэта,
Но жить его слову в веках!»*

*А. Ахетов «Постаменты»
[68, 33]*

Магжан Жумабаев – поэт, писатель, публицист, основатель новой казахской литературы.

Он был и остаётся нравственным ориентиром для тысяч и тысяч казахстанцев. Поэт был глубоко образован, знал поэзию Запада и Востока, осознавая красоту и силу художественного слова. Мухтар Ауэзов: «Из казахских писателей я, конечно, люблю Абая... После него люблю Магжана. Люблю его европейское естество, его яркость и блеск. Рождённый в старотрадиционном ауле казахских поэтов и достигший дворцов европейской культуры и красоты, он своей необыкновенной привлекательной внешностью и обаянием был похож на прекрасную дочь золотой степи».

Обострённый трагизм, чувства одиночества и тоски, необыкновенный лиризм и метафористичность - вот основные черты поэзии поэта. Поэт – эстет Магжан очищает казахскую поэзию от дидактики и «всецело погружается в стихию свободного словотворчества с культом индивидуализма, любви и смерти, дерзкого несогласия со всем, что не соответствует его поэтическому наитию» (А. Кодар).

Эпоху жизни начала 20 века, названную А. Блоком «страшным миром», русский поэт-символист Мережковский писал о поколении и о себе:

*Мы дети горестных времён,
Мы дети мрака и безверья!...*

[Д. С. Мережковский, 5, 59]

Очень много общего в восприятии трагизма времени у русских поэтов и великого казахского поэта Магжана Жумабаева.

Магжан – поэт огромной культуры... Он перерастает рамки своей эпохи. Из числа всех нынешних писателей только слово Магжана устремлено в будущее.

Яркая, неповторимая звезда казахской поэзии. Отец поэта был бием, волостным управителем, дед был кажы, посетил Мекку.

Магжан Жумабаев отразил в своём творчестве духовные искания казахской интеллигенции, в большинстве своём алашординцев, которые были в течение 20-х, 30-х, 40-х годов 19 века уничтожены физически «красным террором».

После победы Советской власти в Казахстане судьба Жумабаева меняется. Он не хочет отказываться от своих пантюркистских идеалов, разделяет взгляды Т. Рыскулова и С. Ходжанова о необходимости создания общетюркского государства с центром в городе Ташкенте. Но уже в республике Казахстан господствуют другие идеи. (Пантюркизм, здесь: культурное и политическое течение, распространённое в государстве, населённое тюркскими народами, идея консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности).

Очень трагично сложилась судьба шести братьев Магжана. В тридцатые годы 20 века в эпоху культа личности И. В. Сталина преследовали не только непревзойдённого мастера слова, но и всех братьев, сестёр, близких и дальних родственников поэта.

С раннего детства Магжан учился у домашнего учителя – башкира Ахиетдена Аханова, владеющего несколькими восточными языками. Был Ахиетден из беглых, но отдать ему дань уважения необходимо нам, потомкам великого поэта, что с его уст малыш с 4 лет познал первые премудрости учения. Обучая математике, географии, языкам Востока и литературе. Аханов пробудил в маленьком Магжане великую жажду познания окружающего мира.

В 1905 г. Магжан поступил в медресе г. Кызылжар (ныне Петропавловск). Эту духовную семинарию, медресе, открыл Мухамеджан Бегишев, выпускник Стамбульского университета. В медресе обучались как казахские дети, так и дети татар. Со временем это духовное заведение превратилось в центр науки города Петропавловска и уезда. Медресситам вполне успешно преподавали арабский, турецкий, татарский, персидский языки, хотя бы потому, что впоследствии поэт вполне осознанно овладел не только языками, но и литературой этих народов, древние суфийские стихи преподавались медресситам. Пять лет обучения в медресе не прошли даром. Магжан в 1910 году с отличием окончил медресе. У поэта было огромное желание «карабкаться по каменистым тропам» науки, он жаждет новых глубоких знаний и осенью 1910 года едет в г. Уфу для поступления в «Медресе-Галия», высшее учебное духовное заведение. Учится вместе с Бекмухамбетом Серкебаевым, будущим писателем-классиком татаринном Галимджаном Ибрагимовым.

Два молодых поэта были гордостью «Медресе-Галия». Друзья ставили, играли, сочиняли пьесы на татарском и казахском языках. Известно, что Магжан писал стихи на татарском языке тоже.

Через полтора года обучения одарённого студента Магжана Жумабаева вызвал к себе директор духовной семинарии Салимгерей Жанторин и сказал ему о том, что ты лучше возвращайся домой, здесь, кажется, нет той науки, которую тебе надо изучать. Ты усвоил арабский, персидский, турецкий языки глубже, чем здешние преподаватели (Хамза Абдуллин). [5, 34]

В 1911 году молодой поэт возвращается в родной город Петропавловск. Под руководством крупного казахского учёного Миржакипа Дулатова изучает русский язык.

В 1913 году Магжан приезжает в город Омск для поступления в учительскую семинарию, вначале в подготовительный класс. Вот перед нами копия Протокола №12 от 7 мая 1914 г. «председательствовал» Г. Директор А. К. Васильев. Указаны присутствующие и содержание протоколов:

1) Допустить къ переводнымъ испытаніямъ следующихъ воспитанниковъ приготовительного класса». Наряду с Аксеновым Трофимом, Асташенко Николаем и др. допущен и под №4 Джумабаев Магжан.

В 1917 году Жумабаев закончил с золотой медалью омскую учительскую семинарию.

Активную помощь в судьбе поэта приняли Григорий Николаевич Потанин, Миржакип Дулатов и директор семинарии Александр Никитич Сидельников. Потанин Г. Н. после первых встреч с Магжаном, бесед с юным поэтом предсказал судьбу его: «юноша в будущем станет вторым Чоканом Валихановым».

В 1917 г. Весной Магжан вернулся в Петропавловск (Кызылжар). Не откладывая в долгий ящик, поэт посылает сватов к своей возлюбленной Зейнеп, которая была родной племянницей по матери Чокана Валиханова – чингизида, историка, этнографа. В 1919 г. 10 февраля Зейнеп скончалась после родов. Поэт родившегося сына назвал Граждан (Азамат). Но к великому сожалению, через 9 месяцев 4 апреля Магжан теряет и сына. Судьба безжалостна к нему. Испытания смертью любимых людей обрушиваются на него. Он пишет: «И меня ты, смерть, убаюкай» («Мені де, өлім, әлдиле»). «Плач» («Зар») посвящены его жене и сыну.

Жоғалды, батты, кетті сәулем-Күнім, Жайнаған жүз құлпырып қызыл гүлім. Сәулесіз, Айсыз, Күнсіз қараңғыда Өтермін аһ ұрумен шықпай үнім. Жалғанның бір көрермін көп пен азын, Өмірімде енді болмас жылы жазым. Енді бір өлгенім де, жүргенім де, Қолымнан ұшқаннан соң қоңыр қазым.

[«Зар», 3, 32]

Закатилось, пропало, исчезло и не возвратится Моё светлое солнце! Погасла заря-зарница! И земля из оазиса стала безмолвной пустыней, Где ни солнца, ни звёзд, ни луны, где темно – как в темнице! Как велик этот мир! Как ничтожен! И где ж взять силы, чтобы жить захотелось – здесь! – Где холодом дышат могилы!

*Как о лете мечтать, если только что прямо с ладони
Мой п тенец улетел... Мой гусёнок...
Мой шелковокрылый! (перевод Л. Степановой)*

[19, 12]

Тема жертвенности у Магжана – центральная в его лирике, перекликается с темой одиночества, обречённости и стремления к смерти. Он был гениальным одиночкой, очень далеко и высоко опередившим своих современников-литераторов. Ситуация экзистенциализма сложилась так, что «Это замкнутое пространство внешнего мира, помноженное на пространство замкнутого в себе» (Заманская В. В.). Вот что написал А. Кодар о двух великих сынах степи:

*В родах корчится старый наш мир,
Но за что наказание мне это –
Для казахов я – дерзкий кафир,
А для русских – дикарь в эполетах?!*

[7, 4]

Впоследствии поэт стал крупнейшим тюркологом, историком, лингвистом, поэтом-символистом, педагогом в духе русской классической науки, автором многих учебников. И, видимо, вполне заслуженно за выдающиеся успехи в учёбе в 1918 году Жумабаеву поручили открыть курсы для учителей начальных классов для казахских мектебов и там же был назначен директором. На этих же курсах обучался Сабит Муканов! }

В 1919 г. он стал ответственным редактором впервые открытой большевистской газеты «Бостандык туы» (Знамя свободы). Через год и курсы, и газета переехали в Петропавловск.

Начался голод, как следствие насильственного создания колхозов, М. И. Калинин, «всесоюзный староста», в 1921 году при ВЦИК создал Помгол в связи с неурожаем, поразившим огромную территорию. На территории Казахстана погиб урожай в Уральской, Оренбургской, Северо-Казахстанской и др. областях. Весной 1922 года в Петропавловске создаётся

Губернская Чрезвычайная Комиссия Помгол (Помощь Голодающим). Председателем комиссии назначается Магжан Жумабаев. Вот один из архивных документов: от 11 июня 1922 г.

В КОММУНАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

акмолинская Губернская Чрезвычайная Комиссия Помгол предлагает срочно отвести подходящее помещение в районе Менового двора под столовую, организуемую Губкомпомголом для голодающих киргиз. Об исполнении сообщите не позднее 12 часов 12 июня.

Зам. предгубкомпомгол Жумабаев
[копия прилагается]

Общественная работа, возложенная на Магжана Жумабаева, заключалась в следующем:

МАНДАТ

Предъявитель сего Заместитель представителя акмолинской губернской Комиссии помощи Голодающим Жумабаев Магжан Бекенович командировается в Петропавловский и Кокчетавский уезды для усиления работы по оказанию помощи голодающим.

Тов. ЖУМАБАЕВУ ПОРУЧАЕТСЯ:

1/ Произвести точный учёт продуктов, поступивших в фонд помощи голодающих в местных органах помгола, проверить отчётность последних; в случае же обнаружения дефектов и недочётов – немедленно устранять таковые.

2/ Произвести точный учёт голодающих и прикреплять голодающие районы к более благополучным.

3/ Принять меры к усилению притока добровольных пожертвований скотом, продуктами питания путём агитации.

4/ Скот и продукты, поступившие по добровольному пожертвованию – распределять среди голодающих на основании общедействительных на то правил.

5/Тов. ЖУМАБАЕВУ представляется право-привлечения Кир-работников, аксакалов для агитации по усилению работ ПОМГОЛ среди населения.

6/Привлекать для перевозки продуктов подводы у населения в порядке общественной помощи голодающим.

7/ Подавать телеграммы с подписью «срочно-голод».

N:/ Все Советские учреждения и должностные лица призываются оказывать тов. ЖУМАБАЕВУ всемерное содействие к беспрепятственному проезду его к месту назначения, и успешному повышению возложенных на него работ.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

КИР. ЦНК. И Ц.К.П.Т.

СЕКРЕТАРЬ

(стиль документов сохраняется)

Документы из архивов подтверждают, что поэт принимал активное участие в социальной жизни народа.

В 1922, в конце года, поэта пригласили в Ташкент в Казахско-киргизский университет просвещения преподавателем. Сотрудничая с журналами «Сана» и «Шолпан», Магжан опубликовал в них множество поэм, стихов и научных трудов.

В Ташкенте Магжан Бекенұлы очень плодотворно работает. Из-под его пера выходят поэмы «Батыр Баян», цикл стихов о Туркестане, статьи об Ақан-Сери. Отличительной чертой его поэзии, вышедшей в 1922-23 гг. являлось то, что он первым в Средней Азии и Казахстане связал два потока культурного развития – Востока и Запада.

В 20 годы поэт получил оценку Ж. Аймауытова и О. Токжанова, крупнейших теоретиков литературы. По их определению, поэт стал «основоположником байронизма» в поэзии Казахстана.

С 1923 года начинается московский период жизни Магжана Жумабаева. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский приглашает поэта в Москву преподавать вос-

точные языки в Коммунистический университет. Активно сотрудничает в работе издательства «Восток», составляет учебники для казахских школ. Вечерами учится в Высшем литературном институте. Ректором был гениальный поэт-символист Валерий Брюсов.

В московский этап жизни поэт «органично вписался в блестящую плеяду русского «серебряного века», таких как Мережковский, Блок, Бальмонт, Мандельштам, Гумилёв и др», - писал Ауэзхан Кодар – поэт и переводчик стихов Магжана Жумабаева. [Исповедь]

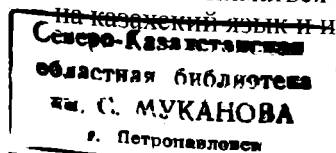
Сборник стихов «Шолпан» выпустил в 1912 г. в Казани, а в 1922 году увидели свет его сборники стихов в Казани и в Ташкенте.

Тюркоязычные народы и казахский народ считали Магжана законным продолжателем традиций великого Абая. Именно Магжан ввёл огромный вклад в духовное пополнение и качественную связь русской и казахской поэзии.

В очень сложное время, когда в Казахстане царил террор, травля казахских поэтов и писателей, навешивание ярлыков «врагов народа», Магжан Бекенович по направлению народного комиссариата просвещения Туркеспублики командировался сначала в Петроградский университет для изучения общественных наук. Но после ситуация изменилась, и поэт был направлен в Москву как «талантливый поэт революции». Выделили стипендию в размере ставки ответственного работника и т.д. Московский период мало изучен. Но поэт был сопровождён письмами и рекомендациями Н. М. Попов-Таги-ва (члена Восточной секции Кавказского исследовательского института языка и литературы).

Находясь в Москве, он обрёл истинно близких друзей в лице С. Есенина, Бальмонта, О. Мандельштама, М. Светлова, Мережковского, А. Блока и мн. др.

Магжан был по образованию преподавателем русского языка и литературы. Как учитель и педагог классической школы, поэт глубоко усвоил творчество великих русских писателей и поэтов. Будучи высокообразованным человеком с энциклопедическими знаниями, владея многими языками, поэт стал заниматься переводами. Живя в Москве, он перевёл на казахский язык и издал «Песню о Буревестнике» Горького,



«Белого коня» Мамина-Сибиряка, рассказы Вс. Иванова, написанные о жизни казахов. Также были переведены, изданы и опубликованы большое количество статей В. И. Ленина.

Московский период жизни поэта, очевидно, самый творческий, счастливый, потому что он общался и дружил с лучшими представителями утончённой элиты русской поэзии.

Круг общения Магжана Жумабаева в Москве был обширен. Этому способствовала атмосфера ВЛХИ (Всесоюзный литературно-художественный институт). З. И. Ясинская, студентка этих лет, вспоминает, что часто институт посещали В. В. Маяковский, И. Уткин, С. Есенин, А. Блок и мн. др. Есенин называл студентов «брюсовцами». Очень популярны были литературные кафе, в которых мог выступать и поэт Магжан.

Учиться было не просто, но поэт успешно окончил первый курс. Изучали студенты ВХЛИ античную литературу, логику, стиховедение, западноевропейскую литературу, языкознание, физику, искусствоведение и т.д.

По заданию В. Брюсова поэт занимается переводами на русский язык образцов казахской, узбекской, туркменской народных литератур. Но 10 октября 1924 года В. Я. Брюсов умер, и институт был упразднён в 1925 году. Окончив второй курс ВХЛИ Жумабаев возвращается в Петропавловск и продолжает заниматься переводами.

В казахской литературе некоторые поэты-стихоплёты были последователями идей «пролеткульта». Дореволюционное искусство было объявлено буржуазным, потому что оно создано выходцами из богатых семей. Исходя из этой концепции, имело право на существование исключительно поэзия и литература, созданные якобы выходцами пролетарско-бедняцкого происхождения. При всём том, что у казахов не было ни буржуазии, ни пролетариата. Таким образом, Магжан Жумабаев не подходил своим могучим талантом в узкие рамки пролеткульта (пролетарской культуры).

Удушливая и опасная ситуация в республике обостряется. 12 сентября 1925 года в Казахстане в лице первого чело- века власти появляется Ф. Голощёкин, который, в первую очередь, решил устроить в республике «малый Октябрь». Объектом репрессий Голощёкина становятся, естественно, казахская интеллигенция и бывшие алашординцы. Это было

отличительной чертой сталинизма по всей стране Советов. К примеру, многие жёны первых лиц государства, чиновников высшего эшелона власти были объявлены врагами и осуждены.

В 1927 году поэт в родном Петропавловске работал в казахском техникуме и совпартшколе. В 1929 году Магжан был ложно обвинён в национализме и заключён в Бутырскую тюрьму г. Москвы. По решению суда поэт был осуждён на десять лет лишения свободы. Срок ему нужно было отбывать в Соловках, в Карелии. В числе 42 членов бывшей партии «Алаш-Орда» отправлен в карельские леса в известный лагерь для политзаключённых. Здесь он честно трудился сначала учителем, затем начальником объединённой санитарной части нескольких лагерей.

В 1935 году по протекции М. Горького и его жены Пешковой поэт был досрочно освобождён.

18 июня 1937 года Сакен Сейфуллин пригласил Магжана в Алматы. Эта поездка закончилась трагично. Поэт опять был арестован 30 декабря 1937 г. Таким образом, Магжан был снова оболган из огромной зависти к его могучему таланту.

Дата смерти великого поэта в последние годы оспаривается. Есть факты, что в 1951 г. поэт был жив. Много десятилетий официально день гибели считается 19 марта 1938 год. Старец 92 лет, житель Атырау Абдулла Абдрахманов вместе с поэтом отбывал наказание на Колыме. И, по его словам, умер поэт в 1951 году после тяжёлой болезни.

Более полувека творчество Жумабаева было под запретом. Только в 1989 году был реабилитирован. Многие стихи сохранились в памяти народа, а многие его произведения безвозвратно утеряны.

По утверждению доктора филологических наук Жетписбаевой Б. А., «в те суровые и смутные годы, когда над ним неуловимо сгустилась тьма... поэт оказался в обстановке ледящего одиночества. Были деятели культуры, которые поднимали голоса защиты казахской литературы в лице Магжана Жумабаева». «С утратой Магжана казахская литература и поэзия теряет многое», - утверждали они, См. Садвакасов, К. Кеменгеров, Г. Тогжанов и др.

Последние шаги поэта были горькими. «Солдаты революции», рапповцы, которых гнетёт зависть чёрная, ощущение чувства бездарности – той, что чувствовали большинство поэтов и литераторов рядом с поэтом воли божьей. Многие враги поэта много десятилетий были заинтересованы в навечном его забвении.

20-30 годы 20 века были невероятно сложными в истории советской культуры из-за царствования рапповского духа.

В книге «Движение Алаш» («Алаш қозғалысы») помещены статьи и материалы допросов видных деятелей Казахстана того времени. Во многих архивных документах находится компрометирующая поэта информация, которая ни в коем случае не оставила бы поэта в покое. Эти доносы приближали конец жизни великого поэта.

Вот некоторые из этих протоколов допросов, в частности, №92.

Протокол допроса А. Байдильдина...

О его причастности к деятельности Алаш-Орды. Допрос вёлся начальником ПП ОГПУ по КазС-СР Лопатыным. Организован «Алка» по инициативе националиста Джумабаева в Москве... «Сначала вырабатывали проект этого общества «Алка», это было нелегальное общество, организованное под видом литературной организации»... «Произведения Джумабаева и других националистов продвигались в печать под влиянием Дулатова...». «Букейханов и Джумабаев были связаны с казахскими учащимися в г. Москве». Джумабаев даже «втёрся» в Коммунистический университет трудящихся Востока, где он читал лекции «Основные установки из программы «Алка» он зачитывал... учащимся КТУВ». Обвинения поэту были в распространении национализма».

(стиль сохраняется)
[9, 75-76]

Отрывки из письма Сакена Сейфуллина Л. Мирзояну о взаимоотношениях с Н. Тюрякуловым [1937].

«...в газетах и журналах «Ак жол», «Шолпан», «Блим», «Темір қазық», в которых 90% писали известнейшие алашординские главари.. и алашординские контрреволюционные писатели: Халел Досмухамедов.. Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Джумабаев.. Турыкулов, критикуя меня (С. Сейфуллина), выпускал в г. Ташкенте и в г. Москве (в Издательстве народов СССР) контрреволюционные произведения известнейшего алашординского реакционного поэта М. Джумабаева...»

[9, 258]

И это всё после того, что С. Сейфуллин сам пригласил поэта в Алматы для сотрудничества.

И вот 21 мая 1937 г. в Алма-Ате Магжан Бекенович пишет У. Исаеву, главе правительства, покаянное письмо, переживая психологический надлом и моральный надрыв: «Я, как контрреволюционный алашордынский деятель и реакционный националистический писатель... справедливо и вполне заслуженно был... изолирован от социалистического общества». «В подлой преступности националистической алашордынской идеологии, ... всей подлой предательской работы националистов-алашордынцев... раз и навсегда осудил своё прошлое, бесповоротно порвал со своим преступным прошлым...». [9, 212-213] Лексика письма – отречения в стиле вакханалии того времени. Ни одного имени, ни фамилии в этом покаянном письме нет. Насколько порядочным и мужественным был поэт Магжан.

Репрессии коснулись и изданных уже в Казахстане книг, методических пособий, научных изданий. Это было очень похоже на инквизицию.

Некий Байдильдин на допросах ПП ОГПУ 1 июля 1929 г. «сдаёт НКВД около сорока бывших сотрудников». «Доносы Сарымулдаева К., Джанаева, Сейфуллина и мн. др. давали характеристику поэту Джумабаеву, как «ярому врагу советской власти», «главарю Алаш-Орды и т.д.». Этому списку секретных сотрудников нужно добавить любителей-доносчиков из Бейнеткорского района (ныне р-н им. Жумабаева), г. Петропавловска:

обвинительное заключение

(по следственному делу №342). 8 октября 1937 года десять лиц из Бейнеткорского района, «воспитанников» Жумабаева М., занимались сколачиванием (стиль сохраняется) контрреволюционных групп в колхозах, распространением алашординских идей, дискредитацией мероприятий партии, распространением пораженческой агитации о скором падении Советской власти...

[из архива]

И много других обвинений, которые для каждого жителя района, «врагов», писались под копирку. Поэт обращается к Господу Богу:

«Прости, господь, умерь свой гнев, я раб твой хилый...»

«Изнемог я, иссякли силы...» // «Қажыдым енді, күш бітті» - вот главный мотив в творчестве поэта. [1, 92]

Только до 5 сентября 1937 года был издан секретный список изданий, подлежащих изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети Алма-аты. Тираж книг для уничтожения был равен 1130 экземпляров. Среди огромного числа авторов был и Магжан Жумабаев:

1/ Сборник стихотворений 1925 г.

2/ Родной язык. Ташкент, Туркиздат 1922 г.

3/ Сауатты бол. Центриздат народов СССР 1929 г.

4/ Педагогика (на казахском языке). Туркиздат 1923 г.

Подлежат изъятию также все остальные книги и брошюры Жумабаева М.

Сколько гениальных мыслей, научных открытий потерял казахский народ в связи с этим решением. Только у Аймауытова Ж. список изъятий равен 21 единице. Общий список названий литературы, подвергнутых изъятию, был равен двумстам девятнадцати. Обвинения поэту и другим представителям творческой интеллигенции:

- 1/ идеология Алаш-Орды;
- 2/ межнациональные отношения, как продолжатели взглядов Нысанбая;
- 3/ об отношениях перспектив казахского народа: отношение к царю; к ханству; презрение к казахскому народу; алашординские писатели как враги пролетарской революции.

Статья 58-10 ч. 1 Уголовного кодекса РСФСР предусматривала лишение свободы на несколько лет. Большинство представителей казахской литературы и науки за все эти «преступления» были уничтожены физически. К великому несчастью, Магжан разделил судьбу сотен тысяч жертв сталинизма.

В 1988 году ЦК Компартии Казахстана объявил о полном восстановлении исторической правды об общественно-политической, научно-педагогической и литературной деятельности Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймауытова.

Но это решение опоздало лет на тридцать. В 1953 г. в марте, после смерти И. В. Сталина, Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об амнистии», на основании которого освобождению из мест заключения подлежало около одного миллиона осуждённых. Н. С. Хрущёв, первый секретарь ЦК КПСС, заявил, что он поддерживает освобождение необоснованных жертв в период культа личности. После обращения жены поэта Зулейхи Жумабаевой стало известно, что дело в отношении Жумабаева закрыли 8 июля 1960 года.

Казалось, что опальный поэт оправдан. Очень много усилий приложили к полной реабилитации опального поэта Шухов И., главный редактор журнала «Простор», Х. Х. Махмудов, зав. кафедрой КГУ, Жовтис А., но их усилия были напрасными. Они не встретили поддержки в лице большинства чиновников министерства культуры Казахской ССР, отдела науки и учебных заведений ЦК Компартии и т.д. Эти противодействия якобы прогрессивной части интеллигенции Казахстана ещё на 25 лет отодвинули возвращение поэта за абсолютные абсурдные обвинения. В справке КГБ Казахской ССР от 4 мая 1966 года подчёркивалось, что по соглашению с прокуратурой республики... «дело закрыто, он не оправдан».

В другой справке КГБ от 29 февраля 1968 г. указывалось, что комиссия из числа (внимание!) учёных и писателей Казахстана, ознакомились 19 мая 1969 г. с материалами дела и дала заключение, что «поэтическое наследие Жумабаева в своей идейной основе носило буржуазно-националистический характер, следовательно, контрреволюционный». В результате ни имя, ни творчество поэта Жумабаева реабилитации не подлежали.

В 1969 г. народный писатель Башкирии Сайфи Кудаш обратился к первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаеву, к первому секретарю Башкирского обкома КПСС М. Шакирову и в Правление Союза писателей Казахстана А. Шарипову. В послании С. Кудаш поднял вопрос о судьбе творческого наследия Магжана: «Я надеюсь и даже уверен, что казахские писатели с помощью партийной организации Казахстана найдут возможность правильно оценить сложность ранних этапов своей литературы и вернуть в её лоно творчество одного их талантливых сыновей...». Магжан встречается с Мукановым – одним из руководителей Казахстанской писательской организации, в заявлении поэт Жумабаев пишет: «от чистого сердца буду служить советской литературе». В ответ С. Муканов пишет достаточно вежливое, но в такой же степени формальное письмо, в котором сообщает, что вопрос о принятии Жумабаева в ССП может быть рассмотрен, когда появятся новые его произведения. Профессор Исмагамбет Исмаилов в 1964 году назвал 2 причины, которые являются, по его мнению, препятствием к переизданию произведений Магжана. Первая – личные враги Жумабаева, оказавшиеся теперь в довольно неудобном положении. Раньше они «разоблачили» поэта, а ныне стоят перед дилеммой – или честно исправить перегибы, допущенные в прошлом, или же проявить «принципиальность», «последовательность» и настаивать на старой оценке поэта. Некоторые люди выбрали второе и свой ложно понятный престиж поставили выше престижа казахской литературы. [1, 212, 214-215] Но и на этот раз ответа не последовало на обращение Сайфи Кудаша. Очень много внёс С. Муканов в «разоблачение» Магжана, его «враждебной идеологии». Он считал, что «выходцы из феодально-байской среды» не имеют права на существование.

С. Муканов обвинял многих: Б. Майлина, А. Байтурсынова, С. Сейфуллина и в том числе Магжана, что они враги Советской власти. Жумабаев, по мнению Муканова, остался «придворным певцом баев и феодалов».

В 1988 г. поэт был полностью реабилитирован.

А. Кодар считает, что «в своём творчестве поэт Магжан удачно сочетает национальное, общечеловеческое, но и мироощущение кочевника-пантеиста». Магжан не только героизирует человека, но и очеловечивает природу.[7, 2]

Не был понят поэт-символист, автор стихов о космосе и человеке, поэт-экзистенциалист. Магжан был в теме популярных известных в Европе и в России философских течений.

Литература усилиями «пролетарских» писателей и поэтов на много десятилетий была превращена в арену жесточайшей борьбы.

В своей трёхтомной книге «Школа жизни» («Өмір мектебі») автор Сабит Муканов чернит образ Магжана почти во всех трёх томах. Зависть к его небесному таланту не дала покоя на многие годы посредственным поэтам и писателям из бедняцкой среды.

Алексей Азаров в статье «Казахские писатели внутри Большого террора под эгидой «Радио Азаттык»» пишет: «Репрессии против писателей в Казахстане начались до так называемого Большого террора. В 1930-м власти расстреляли Ж. Аймауытова, в 1931 г. без суда и следствия был расстрелян Шакарим, родной племянник Абая. В 1935-м в лагерях ГУЛАГа умер М. Дулатов, наставник Жумабаева. Благодаря статьям С. Муканова тучи ступились и над головой Б. Майлина» (из сайта «Жертвы политического террора»). [20]

Политолог А. Сарым считает, что «Союз писателей Казахстана должен принести извинения перед родными писателями и поэтами, подвергшимся гонениям в результате действий этого творческого объединения».

Нынешний Союз писателей – наследник и последователь Союза писателей Казахской ССР 1920-1950-х годов. Доносы и жалобы членов Союза писателей сломали судьбу и привели к трагической гибели не одного талантливого человека.

Как утверждает Б. А. Жетписбаева: «Установлены имена символистов, которые имели определённое влияние на

становление Магжана как поэтической личности... Нами установлена система идей и образов, с помощью которых поэт отразил своё мироощущение в плоскости символизма, - это образы Гульсум, Огня и Солнца, других астральных тел в «огненном» цикле, образы пути-дороги... Триада «Огня и Солнца» отображает магжановскую модель трёхэтапного развития мира, триадичного способа его формирования». Им выражаются проблемы искусства поэзии, о предназначениях поэта и поэзии, как у русских поэтов разных эпох. Мысли Магжана выражены посредством образов поэта – «Огненосца и Пророка – Пайгамбара». [19, 151]

К глубокому сожалению, «Великий поэт Магжан и его соратники оказались внутри большого террора. Какие только ярлыки не приклеивались им. В газетах того времени (сентябрь 1937 писали: «Выкорчевать национал-фашистскую мразь из союза писателей Казахстана»).

Вот это и было девизом для многих поэтов и писателей, поддерживающих этот самый террор.

**Философия космизма
в поэзии**

Магжана Жумабаева

Философия космизма в поэзии Магжана Жумабаева

Философское направление под названием «русский космизм» является традиционно в русской культуре не только в философской мысли, но и среди учёных религиозных мыслителей, писателей и поэтов. Космизм – это учение о взаимодействии человека и мира, построенное на глобальном планетарном мышлении.

Макрокосм и микрокосм – одна из древнейших натурфилософских концепций, выраженная уже в космогонической мифологеме «вселенского прачеловека», из плоти которого возникла земля, из костей – камни, из крови – реки, из волос – деревья, из дыхания – ветер, и т.д. В демифологизированном виде аналогия Макрокосм и микрокосм – в натурфилософии досократиков, особенно в традиции космологического биоморфизма (Анаксимен, Гераклит, Диоген Аполлонийский), но также у Демокрита, у которого впервые встречается сочетание *mikros kosmos* («человек – это малый мир»), затем в «Тимее» Платона и с особенной последовательностью (вплоть до представления о мировом «семени»), в стоической концепции космоса как живого организма. Один из самых ярких образцов параллелизма Макрокосм и микрокосм – псевдо-гиппократовский трактат «О седмицах», обнаруживающий в этом отношении разительное сходство с пехлевийским космогоническим трактатом «Бундахишн» (IX в., основан на утраченной части «Авесты»).

Аналогия между Макрокосм и микрокосм амбивалентна: при аргументации от макрокосма к микрокосму (в человеке нет ничего, кроме космических элементов) она может вести к натуралистической антропологии и растворению человека в космосе (таков, очевидно, вариант Демокрита); при аргументации от микрокосма к макрокосму нередко постулируется космическая «душа» или «ум» (Гераклит, Анаксагор, Платон, стоицизм), часто отождествляемые с имманентным панкосмическим богом («какое место в мире занимает бог, такое в человеке – дух, какое в мире – материя, такое в нас – тело», Сенека, Письма, 65, 24); при этом познании мира

или божества нередко выступает как самопознание (например, Гераклит, говоря о своих занятиях натурфилософией, утверждал: «Я искал самого себя»); в неоплатонизме космос растворяется в «душе», а «душа» - в «уме».

В эпоху Возрождения идея Макрокосм и микрокосм переживает особенный расцвет. Она служит обоснованием новой антропологии У Пико делла Мирандолы («О достоинстве человека»), принимает форму представлений о всеобщей одушевлённости природы в натурфилософии Кардано, Кампанеллы и Бруно; пронизывает всю традицию немецкой мистики. Некоторое возрождение учения о Макрокосм и микрокосм наблюдается в немецком неогуманизме (Гердер, Гёте) и романтизме с кульминацией в архаическом учении Шопенгауэра о мировой (макрокосмической) воле, затем в теософии конца XIX – начала XX вв. – с подчёркиванием эволюционного параллелизма. Всплеск интереса к оккультизму в наши дни привёл к возрождению учения о Макрокосм и микрокосм на новом витке развития.

Ориентация на гуманитарное знание, на литературу и искусство, на проблемы человека является безусловно доминантной в русской философии, особенно конца XIX века. Отсюда её своеобразный антропоцентризм, персоноцентризм, который чаще всего предстаёт в виде «христоцентризма», то есть в виде религиозной философии человека. Но это была лишь одна из тенденций в развитии философии России. Другая тенденция представлена учениями, возникшими под влиянием нового естествознания и в то же время стремившимися к построению широкого гуманистического взгляда на универсум. Речь идёт прежде всего о русском космизме – философском явлении, зародившемся в XIX веке, всё значение которого, однако, стало ясно только в XX столетии. Русский космизм интересен тем, что в сочинениях ряда философов, учёных-мыслителей (Н.Ф. Фёдорова, В.С. Соловьёва, Н.А. Умова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского) во весь рост встали проблемы единства человека с космосом, космической природы человека и космического масштаба человеческой деятельности. Причина тому – некоторые особенности в развитии русской философии XIX века, стремившейся представить человека не атомарным

(*существующий в виде не соединённых в молекулы отдельных атомов*) существом, а личностью, обладающей всем богатством индивидуальности и вместе с тем неразрывно связанной со всеобщим. В концепции космизма во многом опирались на эволюционные воззрения, которые пользовались в России большим признанием. В русском космизме, в свою очередь, представлены две тенденции. Одна – это космизм либо с некоторой примесью фантастики, либо опирающийся на теологию. В философии «общего дела» Николая Фёдоровича Фёдорова (1829-1903) центральной стала тема постоянного расширения, под влиянием внутренних импульсов эволюции, поля деятельности человека, включающего, наконец, в сферу своей активности космическое пространство. Человек овладевает не только пространством, но и временем. Благодаря познанию, опыту и труду, полагал Фёдоров, люди, объединившись, могут так регулировать природные процессы, что обретут бессмертие и возвратят к жизни, «воскресят» ушедшие поколения. Замысел философии всеединства В.С. Соловьёва, как мы знаем, заключался в том, чтобы подготовить человечество к переходу на более высокую стадию эволюции, на вершине которой возникнет «Богочеловечество». Возвышенное, одухотворённое человечество должно, по мнению Соловьёва, превратиться как бы в сотворца Бога и выполнить грандиозную задачу перевоплощения универсума: создание мира, освобождённого от гибели, распада, уничтожения, сохраняющего всю полноту и многообразие бытия. Другая тенденция в русском космизме была тесно связана с прогрессом естествознания и развита естествоиспытателями. В 90-е годы XIX века её представлял физик Николай Алексеевич Умов (1846-1915). Он подходил к человеку и обществу с точки зрения их места в универсальном процессе роста энтропии (*энтропия определяет меру необратимого рассеивания энергии или её бесполезности*), полагая, что история человеческой культуры – не случайное явление в жизни Вселенной, ей предназначено стать могущественным фактором в космическом противодействии хаосу, увеличению энтропии. Эти идеи были углублены и развиты Константином Эдуардовичем Циолковским (1857-1935). Его научно-технические проекты, столько существенные в

становлении космонавтики, были, собственно, техническим приложением к его «космической философии», рисующей космос заполненным различными формами жизни, от примитивных до лучезарных, бессмертных существ, способных непосредственно ассимилировать солнечную энергию. Современный человек, по мнению Циолковского, не является завершающим звеном эволюции. Разум и творчество поднимут человека в космос, где со временем изменится его физическая природа, он приблизится к высшим организмам, населяющим межзвёздное пространство. Идеи русского космизма наиболее полно воплотились в учении Владимира Ивановича Вернадского (1863-1945) о роли биосферы и особенно ноосферы в истории Земли и Вселенной. В этом учении многое соприкасается с работами французских учёных Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, предложивших в 20-е годы XX века термин «ноосфера» для обозначения новой оболочки Земли, возникшей над биосферой и состоящей из духовной, мыслительной энергии, принадлежащей человечеству.

Основные идеи космизма можно обнаружить в творчестве многих русских писателей и поэтов. Поэты 19-20 веков наравне с русской философией выразили чувство глубокой связи человека со всей Вселенной. Идеи космизма нашли своё воплощение в творчестве таких поэтов как Державин Г. Р., Ломоносов М., А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и многих других. Так в стихотворении «Бог» Г. Р. Державин показал себя предтечей нового космического мировосприятия ещё в 18 веке:

*О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.*

[21, 73]

Солнце у Михаила Васильевича Ломоносова – божественное светило, подчиняющее себе всё на Земле «светило дневное блистает», но с течением времени состоялось обновление воззрений на мир. Он восторгается им, но уже пытается и приблизиться к пониманию его сути научными исследованиями. Ломоносов первый догадался, что поверхность Солнца представляет собой кипящую огненную массу, что вблизи Солнца особые силы действуют на хвосты кометы. Поверхность солнца – бушующий огненный океан, в котором даже «камни, как вода, кипят»:

*Уже прекрасное светило
Простёрло блеск свой по земли
И Божии дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным столь лучам,
Представь, каков Зиждитель Сам...*

[64, 127]

П. А. Флоренский – философ, традиционный представитель «русского космизма». Он считал, что существует «идеальное родство мира и человека, их пронизанность друг другом», взаимосвязанность:

*Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и Ты.*

*Державин чувствует собой связь с миром:
«... Умом громам повелеваю;
Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!»*

[21, 73]

В концепциях космизма мир трактуется как некое целое, соразмерное...

Созерцательное отношение к единству человека и космоса уходят в глубокую древность. В художественной культуре 19 и 20 века особенно ярко прослеживаются идеи космизма

в поэтическом творчестве М. Ю. Лермонтова. Даниил Андреев, русский поэт и писатель, писал о Лермонтове: «... его внутренние органы – духовное зрение, слух и глубинная память, а также дар созерцания космических панорам...».

*Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...*

[22, 161]

Это стихотворение с полной уверенностью можно назвать молитвой, жемчужиной духовной поэзии.

Созвучны мысли М. Жумабаева: «Слова хромого Тимура:

*- Что такое Вселенная?
- Она величиной с ладонь!
Не пристало множеству богов
Быть на одной ладони.*

[2, 27]

*Ақсак Темір сөзі
Жиһан деген не нәрсе?
Алақанның ауданы!
Бір ауданда көп тәңірі
Болудың тіпті жоқ сәні...»*

[23, 83]

За много десятилетий до полёта человека в космос М. Ю. Лермонтов писал:

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом.*

[22, 222]

Какую высоту поэтического мастерства, духовную высоту необходимо иметь великому русскому поэту, чтобы объять взором планету. Земля в «сиянье голубом»! У нашего Магжана есть строчки, в которых виден взгляд как бы из космоса:

*Иду по бескрайней степи, одиночек.
Я – чёрная точка, вокруг лишь – песок»*

*(перевод А. Кодара)
[2, 31]*

С высоты, из-под поднебесья, человек – «чёрная точка» в стихотворении Магжана.

*Дала. Дала. Сар дала!
Жапан жүзде бір қара...*

[3, 126]

Развитие космизма стало возможным благодаря литературно-художественному и мировоззренческому направлению в культуре последней четверти 19 и начала 20 века, а именно символизму. «Вселенная – лишь галерея символов», «чередa символов», говорили западные философы. Поэзия символистов – это поэзия «первозданности». Теоретиками русского символизма стали Андрей Белый, Вячеслав Иванов и др.

Для русского символизма было явление теургии – творческая реализация человеком божественного начала, или деятельное уподобление себя Богу – Творцу. В деятельности русского символизма поэзия была неотделима от философствования. Поэт Магжан определяет себе место в поэзии и литературе Казахстана.

*...Лишь сам я бог, себе поклоны бью,
Мой слог – Коран, я свой лишь слог люблю.
Я окаянный и покаянный – я,
Дух прошлого, я кончил жизнь твою!*

*(перевод А. Кодара)
[2, 14]*

Магжан – символист и проповедует философию космизма первый в казахской поэзии. «... сын космоса, я ваш лишь до поры...» [2, 14], «я сам и царь, и сам себе – судья...» / «өзім – патша, өзім қазы, өзім – би,

Қандай ессіз не қылдың деп тергейді...»

*«Өзім – Тәңірі, табынамын өзіме,
Сөзім – Құран, бағынамын өзіме...»*

[1, 74]

На земле став, очевидно, одиноким, Магжан поднял свою поэтическую сущность до Вселенной, построив свои диалоги на уровне Бога древних тюрков – Тәңіра. Не оказалось в 20-30 годах человека, кто смог бы оценить его поэзию.

У художников и поэтов «Серебряного века» в литературной культуре 20 века идеи космизма прослеживались в поэтическом творчестве А. Блока, В. Брюсова, К. Бальмонта, М. Волошина и мн. др. Ещё задолго до теоретической философии, до К. Э. Циолковского и др.. «русская философская поэзия выразила чувства планетарного сознания... связи человека со всей Вселенной, с космосом».

Николай Гумилёв в 1905 году писал:

*Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий, в груди развалин
Старых храмов, грядущий чертог...*

[62, 35]

В поэтическом диалоге Гумилёв слышит голос бога, «где-то там, в высоте голубой...»:

*«Жертвой будь голубой, предрассветной...
В тёмных буднях беззвучно сгори...».*

[62, 36]

Русская философская поэзия. философские идеи русского космизма вырели в лоне русской культуры вслед за европейским космизмом, получили живой отклик не только в русской философской мысли, но и в поэзии Востока, в частности, в лирике Магжана Жумабаева.

Символизм и футуризм – полярные мировоззрения и эстетические системы. Отличительным периодом в развитии русского эстетического сознания стали 20-30 годы 20 века. В эти годы казахский поэт жил и творил в Москве, общаясь с лучшими представителями, поэтами-символистами, а именно космистами в лице Блока, Бальмонта, Брюсова, Мандельштама О. и мн. др. Сознание новой эпохи очистилось и приобрело влияние поэтов того времени, а именно: В. Хлебникова, В. Маяковского, Н. Заболоцкого. В. С. Соловьёв, русский философ, утверждал, что человек считается «посредником между Богом и материальным миром, ... устройтеlem и организатором Вселенной. Человек проходит путь от астральных религий через солнцепоклонство».

Философы часто возвращались к теме, что разгадать суть человека возможно только через тайну бытия. «Познай самого себя и через это познаешь мир», - говорили они. Все попытки внешнего познания мира без погружения в глубь человека, очевидно, давали только знание поверхности вещей. Само сознание человека, как центра мира есть предпосылка всякой философии.

Познание человека покоится на предположении, что человек космичен по своей природе, что он – центр бытия.

Человек – малая вселенная, микрокосм – вот основная истина познания человека, - предполагают философы. Вселенная входит в человека, поддается его творческому усилию как малой, как микрокосму, а человек познавательюно проникает в смысл Вселенной как в большого человека, как в микроантропос. Человек и вселенная меряются силами как равные. Задача постигнуть вселенную возможна для того человека, кто сам вселенная, потому что человек космичен по своей природе, он – центр бытия. Эти мысли утверждают западные и русские философы.

Человек – точка пересечения двух миров. Об этом свидетельствует двойственность человеческого самопознания.

Философы Фейербах, Лотце, Беме, Шеллинг предполагали, что душевные стихии человека глубоко космичны, что в человеке можно открыть все наслоения мира, весь состав мира. Тем очевиднее, что человек – микрокосм, а Вселенная – макрокосм. Обращение к поэтическому и философскому наследию Серебряного века позволит, на мой взгляд, выявить краугольные, нравственные ориентиры, актуальные и в наше время. Фундаментальная рефлексия поэтического творчества М. Жумабаева, представителя казахской поэзии, позволяет выявить духовные векторы развития поэзии поэта. Совпало пребывание Магжана в начале 20 годов в Москве с высоким подъёмом космизма в творчестве русских поэтов. Идея единства макрокосмоса и микрокосмоса, некоего космического всеединства, особенно ярко проявилась в сложных переходных периодах истории, в частности, в Казахстане. Отличительной особенностью Серебряного века было утверждение русскими философами, что поэтическое искусство космично.

У С. Есенина в стихотворении воскресают совершенно неодушевлённые предметы:

*Никому и в голову не встанет,
Что солома – это тоже плоть!...
Режет серп тяжёлые колосья,
Как под горло режут лебедей.
Каждый сноп лежит, как желтый труп.
На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп – овин.*

[«Песнь о хлебе», 63, 142]

В стихотворении «Преображение» Есенин говорит о воскресении Лота (здесь: слепопотопный патриарх, племянник Авраама). Поэт был последователен в своём понимании единосущности жизни. Поэт С. Есенин пишет о связи всего живого: космоса – человека – природы.

У Жумабаева в стихотворении «Осенний день» художественная картина мира является сложным образованием. Она (картина) динамична, многоголосна и наложен на неё отпечаток человеческих жизней и страданий.

*Все небо за грозными тучами пряча,
Грядет непогода, омоет, оплачет,
Живьем заколотит страдальицу в гроб.
К слезам только слезы придут, и завоюет
Прославленный ветер над палой травой
И бросится вдруг в предпоследний галоп.
Прощай! До свиданья!*

(перевод Т. Фроловской)

[2, 66]

*Бұзылып түсі аспан-көк,
Ашулы, ауыр үһілеп,
Бүркеніп сұр бұлттар,
Жүрегі жара алыс жар
Қайғы басып, қиналып,
Жерге қарап, жарына
Көзінің жасын бұлайды.*

[3, 136]

Связь человека с природой, с мирозданием развёрнута у Магжана в серию картин, иллюстрирующих внутренние переживания личности. Все тайные движения природы и Космоса находят чуткий отклик в душе человека, чья жизнь – микрокосм.

Далее у поэта:

*А я? На кого я похож? С кем сравниться?
Ни ветер, ни туча, ни осень, ни птица –
Я сам по себе, позабыт, одинок –
Ни райский цветок, ни исчадие ада...
... Когда я умру, не умрут ли берёзы?...*

(перевод А. Кодара «Осенний день»)

[2, 67]

Одухотворением и очеловечиванием природы, наделением её чувствами, духовностью, лирический герой находит надежду у Милостивого Бога.

Человек и природа изначально едины. Они части единого целого – мира, космоса, но как только гармония нарушается, приходит разлад человека и мира. Отсюда дисгармония, опустошение. Отсюда и мотивы странничества и одиночества. Поэт Магжан горестно признается в тяжёлые мучительные дни.

*Я сам Господь, и сам себе слуга...
Порой и Бога числю во врагах.
Но если что случится вдруг со мной,
К Нему иду я в горестных слезах.*

(перевод А. Кодара «Я поверяю вам...»)
[2, 107]

*Өзім – Тәңірі, табынамын өзіме,
Сөзім – құран, бағынамын сөзіме!
Бұзушы да, түзеуші де өзіммін,
Енді, ескілік, келдің өлер кезіңе!*

[1, 74]

По мнению С. В. Кашириной, художественное пространство делится на горизонтальное и вертикальное направления, и они связаны с вопросами эстетического моделирования. Примером вертикального топоса могут служить, например, горы.

*Здесь горы наши к небу вознеслись,
Седой макушкой, подпирая высь.
Балхаш, как дочь горы Тарбагатай,
Как пуп земли, торчат Памир, Алай.
И если б не вершины Казыкурта,
Потоп залил бы землю через край.*

(перевод А. Кодара)
[2, 23]

*Балқашты бауырына алған Тарбағатай,
Жоталы, жер кіндігі – Памир, Алтай.
Қазықұрт қасиетті тау болмаса,
Топанда Нұқ кемесі тоқтар қалай?*

[2, 168]

По вертикали художественное пространство может быть разбито на три уровня: небесный мир – верх (небо, солнце), реальный, материальный мир – середина (земля, горы, реки, город и т.д.):

Ещё будучи учеником учительской семинарии города Омска юный Магжан писал о городе в стихотворении «Погоняй лошадку, Сарсенбай!»:

*«Этот город – громада громад.
Он таится в тумане ночном.
Дышит дымом, угаром, огнём;
Его очи недобро блестят...
... Небесами ты их не возъмёшь,
Посмотри, сколько радостных звёзд!...
... Во мне город рождает лишь боль...»*

*(перевод А.Кодара)
[2, 75]*

*Айда атыңды, Сәрсембай,
Ағарып алтын таң атпай
Шығайық қырға, далаға.
Шу-шу-шу...
Әттең ғана бұл оқу!
Келмес едім қалаға.
Қарашы кейін бұрылып:
Таудай болып созылып
Қала – бір жатқан дәу пері.
Айналасы – тұман, түн.
Дем алысы – от, түтін.
Жарқ-жұрқ етер көздері.
Сөзі у-шу, ың да жың,
Сасық иіс ауыр тым,
Тұншықтым ғой, Құдай-ай!
Кейін қарап нетеміз,
Ауылға қашан жетеміз,
Айдашы атты, Сәрсембай!*

[1, 71]

*... и мир подземный (земные недра):
Крылья ночи скрыло солнце,
В небе звёзды засверкали.
На Луну смотрю в оконце,
Полный лик её в печали.
В степь всмотрись, её просторы,
Словно шёлковая скатерть.
Рек медовых блеск и горы,
Это степь – моя праматерь.
С клятвой верности, до плахи
Путь невзгод пройдем с тобою (с Луной)
Мы прольём перед Аллахом
Слёзы, смешанные с кровью...*

(перевод А. Кодара «Луне») [2, 29]

Часто Магжана интересует эстетика вертикального пространства. Но поэту и не чужда эстетика горизонтали, поэт глубоко чувствует свою привязанность к праматери Великой степи. Горизонтальное пространство реального материального мира в этом стихотворении выражается в топосах открытого пространства: «Сары-арка, ты же – светоч души, ты – моя бескрайняя степь, я всей грудью к тебе припаду...».

«Космическое чувство» в лирике Жумабаева связано с особенностью души поэта созерцать, постигать широту мира и растворяться в нём.

*... Я – поэт, огня приток,
Я неба достигаю.*

[2, 142]

Один из ведущих поэтов русского космизма К. Д. Бальмонт – знаменитый эссеист, исследователь, своим творчеством на современников произвёл огромное впечатление. Его книга и лучезарный призыв «Будем как солнце» являл пример того, как надо жить – свободно, вбирая в себя энергию солнца и соков земли. А. Блок эту книгу назвал «одним из величайших творений русского символизма». Стихийный гений Бальмонт

посвящал идее начала жизни в виде Неба, Огня, Воды, Земли и Воздуха. Девиз поэта Бальмонта: «Я буду всё светить, сжигая и горя». Он называл себя «огнепоклонником», сближая, как и Магжан, миссию огня и поэта.

Поэт Жумабаев, его лирический герой пристально вглядывается в Небо, в Солнце и т.д. Он как бы утверждает, что словно крошечная песчинка, словно кристаллик соли, который может в любой момент раствориться, человек ничтожно мал по сравнению со Вселенной. Но в тоже время он велик. «Разум его способен вместить ту самую Вселенную», - считает Н. П. Моница. И пусть человек слаб, пусть его тело как хрупкое стекло, но душа человека вобрала в себя небо и далёкие миры.

Вот строки Магжана, написанные под впечатлениями его трудной жизни:

*... Прости, Господь, умерь свой гнев,
Я раб твой хилый,
Не сторонись казахов ты, яви им милость,
Бог справедливый, говорю, трясясь от боли,
Пока все палками меня тут не забили.*

(перевод А. Кодара) [2, 36]

*Кеш, тәңірім, сорлы құлға қаһар етпе,
Рақым қыл, біз сорлыны шетке теппе.
Сөз шықты жан ашумен, әділ тәңірім,
Тиген соң ащы таяқ тұщы етке!*

[1, 51]

Данные строки можно отнести к литературной молитве. Лирический герой Магжана с душой ангела, сын Солнца, тот, кто обладает тайными знаниями. Лирический субъект поэта – личность уникальная с сердцем-ангелом, он Светлый, но вынужден жить на земле низвергнутым. Часто обращается поэт к Богу, взывает к Нему. Его молитва – это лишь скорбный и безответный крик. Акценты его стихов о том, что жизнь на земле ужасна, это грязь мракобесия, в котором увяз герой с огненным небесным сердцем. Подобно Бальмонту, который писал в стихотворении-молитве:

*Господь, господь, внемли, я плачу, я тоскую
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем Ты даровал мне душу неземную –
И приковал меня к земле?*

Параллельно у Магжана, из души великого поэта обращение к Богу:

*Господь великий, Ты велик, мы верим в это
И чтя тебя, мы исполняем все заветы,
Надеясь, что рабов своих ты не обидишь,
Мы волю отдали тебе, который светел.*

(перевод А. Кодара) [2, 35]

*Зор таңірі, күштісің сен, сенеміз біз,
Әділ деп әр ісіңе көнеміз біз.
Өз құлын өзі еңіретпес тура ие деп,
Өзіңе ерік тізгінін береміз біз.*

[1, 50]

Космос, история, жизнь души. Как связать воедино? По-этому совершенно очевидно, что поэт Магжан нашёл своё истинное лицо и величие человека – творца в образе Солнца и Огня.

«В рамках лингвокультурологии концепт солнце рассматривается как семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры». (Маслова В.А.)

Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. (Обчинникова К.Н.)

Концептуальное пространство – это художественное пространство, рассмотренное в когнитивном (относящийся к познанию, к функциям мозга, которые обеспечивают формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний) аспекте. Концептуальное пространство является реализацией семантического потенциала, заложенного в

языке художественного произведения автором и выявляемого читателем.

Концептосфера (свод знаний, который состоит из концептов, обобщающий различные знания внешнего мира) космического пространства в творчестве Магжана Жумабаева включает в себя такие понятия, как небо, солнце, гроза, закат, восход, луна, горы и т.д.

Образ солнца проходит сквозным концептом через всю поэзию М. Жумабаева. Солнце, по мнению автора, - центр вселенной, источник тепла и доброты в человеческих сердцах.

Некоторые аспекты концепта солнце были исследованы и описаны ранее: лексический фон слова солнце и его синтагматика (один из двух аспектов изучения системы языка, анализ особых отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке времени или в тексте) (Л.К. Капралова), основные направления семантического развития поэтического слова-образа солнце в целом (О.В. Кондрашова, И.В. Шельдешова).

Солнце – это я. Это ключевое сравнение, наполняющее концепт космос. Автор отождествляет себя с солнцем, поэтому небесное пространство ему ближе, чем земное:

*Я в небе солнце, чьи лучи щедрь,
Сын космоса, я ваш лишь до поры.*

(«Кто я?») [2, 14]

Солнце – творение космоса, поэт – его порождение. Солнце всходит и заходит. Днём оно с нами, вечером покидает нас. Там и Магжан согревает нас своими стихами, но когда-нибудь он уйдёт на небо и после него останутся лишь стихи прошлых лет.

Как утверждает доктор филологических наук Жетписбаева Б.А.: «Огонь – знамение верхних, запредельных сфер: это луч, струящийся из далёких глубин небес и озаряющий волшебным сиянием жизни народа, с почтением и любовью относящийся к труду, красоте, поэзии, знамениям. Космизм мышления поэта сказывается и в серии стихов, посвящен-

ных постановке просветительских проблем. Огонь, солнце и другие светоизлучающие явления истолковываются им как образные репрезентанты духовной сферы человеческой жизни – знаний. С их помощью он развивает одну из основополагающих в своем творчестве идей: необходимость просвещения народа, которому грозит одиночество и костер забвения в случае отказа от знаний в обмен на удовольствия сытого существования. Только став просвещённым, только овладев знаниями, народ в состоянии преобразить себя, свое бытие и, разорвав ненавистное кольцо мрака, затмившее солнце, свет, звезды, выйти к просторам вселенной, установить с ней контакт, найти точки взаимопритяжения. Магжан страстно, до боли, до слез желает лучшей участи, светлой доли своему народу и, когда последний остается чужд и глух к его мольбам и призывам, скорбь и печаль владеют им». [19, 79]

В стихотворении «Кто я?» образ автора – это образ небесного светила. А в «Огне» поэт прибегает к другому сравнению: я – сын солнца:

*Я от солнца рожден,
И пылаю как Он ...*

(«Огонь») [2, 15]

*Күннен туған баламын,
Жарқыраймын, жанамын...*

(«От») [1, 66]

Поэт выстраивает цепочку, в которой одно сравнение вытекает из другого: солнце – огонь – Бог. Солнце – это огонь («Я пылаю как Он...»), огонь – это Бог («Лишь огонь только Бог»).

Огненный космос, огненное небо – всё это картины космического пространства, изображённые в стихотворении «Огонь». Прочитав только одно это стихотворение, мы раскроем душу Магжана, как душу поэта и творца, как самостоятельную личность и личность в обществе, как пророка и борца за справедливость. Стихотворение изоби-

лует сравнениями: я – сын солнца; я – огонь; я – сын зари и огня; я – стрела.

Говоря о наполняемости концептосферы космоса, нельзя не упомянуть образ бога, который так точно описал Магжан в своём стихотворении. Точность даже не в божественном описании, а функциях, действиях Бога:

*С нежным пламенем слит,
Он, целуя, палит,
Усмехнётся и вон!
Взбудоражив, смутив,
Уберёт всех с пути.*

[2, 15]

*Жалынмен жұмсақ сүйеді,
Сүйген нәрсе күйеді,
Ұшыр ағанды шоқ қылады.*

(«От») [1, 66]

Поэт использует противопоставление огонь (свет) – тьма. Огонь побеждает тьму, Бог борется с ней, с появлением солнца тьма исчезает. Чётко прослеживается скрытое сравнение стихов М. Жумабаева с огнём. Своим творчеством поэт несёт свет, просветляет души.

Смысл всего стихотворения заключён в понятии «огнебога дитя», которое сопровождается глаголами пылает, манит, пламенеет. Дитя огнебога каждый день рождается с приходом зари и умирает с наступлением ночи и заходом солнца («Я зарёю рождён...»).

Прочитав строки из стихотворения «Родная земля», невольно вспоминаем поговорку: «на чужбине и солнце не греет»:

*В другой земле мне кажутся темны
Светила все и с Солнцем мне темно.*

(перевод А. Кодара) [2, 17]

*Сенен басқа жерде маған қараңғы,
Жарық болар Шолпан, Айым, сен - Күнім.*

Поэт, как истинный патриот своей страны, не признает даже солнце на чужбине. На Родине прекрасны и небо, и земля.

С каждым стихотворением нарастает динамика в описании концепта солнце: оно согревает человеческие сердца, пылает огнём, уничтожает тьму, испепеляет душу, накаляет чувства. Накал чувств – кульминационная точка в перевоплощении поэта в солнце. Солнечное тепло для нас – это всегда позитивные эмоции, радость и счастье. И снова автор использует точное сравнение с небесным светилом:

*Как солнце, он был рад всегда всему,
Был солнцем он и ненавидел тьму,
Был солнцем он, был на улыбку щедрым...*

(«Исповедь», перевод А. Кодара) [2, 21]

Солнце – это небесное светило, центр Вселенной, космоса. Оно свидетель всего, что происходит на земле. Оно светило для наших предков, светит для нас и будет светить нашим потомкам:

*На их берегах могилы наших предков,
Священные в сиянье солнц и лун.*

(«Туркестан», перевод А. Кодара) [2, 23]

*Киелі - сол екі су жағасына,
Болмаса, барсаңшы іздеп бабаң бейтін!*

В стихотворении «Туркестан» мы находим ответ на интересующий нас вопрос: Почему автор сравнил себя именно с солнцем? Поэт, потомок тюрков, казах по национальности. Горячая тюркская кровь веками кипит в их жилах. Тюрки – воинственный народ. Огнём и мечом они завоёвывали народы и оберегали свои земли:

*Огню подобны были тюрки там,
Как молнии, что мчат по небесам.*

(«Туркестан») [2, 24]

Солнце – это образ любимой девушки. Она – свет очей поэта. Солнечная муза, вдохновляющая на стихи:

*Твой лик, как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам.*

(«Ожерельем – луну и звезду на кольцо») [2, 139]

Келші, көзім, Күн нұрына көмейін, Сүйші - өлейін, «неге өлейін?» демейін.

Очень часто в своём творчестве поэт олицетворяет, очеловечивает солнце. Это доказывают глаголы: наказывает, смеётся, умирает, рождается и т.д. («Закатное солнце смеётся далече...»).

Известно, что казахи – кочевой народ. В любую погоду, днём и ночью они кочевали с места на место. Бураны, снегопады, смертельные ветры и смерчи преграждали им путь. Над каждой юртой ночью зажигался факел. Спасительный факел для кочевника, маленький огонёк подобный огромному солнцу. Спасительному солнцу для путника:

*Пусть светом таким и нельзя удивить,
Надеюсь, он выдержит долгие годы.
Я с Солнцем, Луной мог его бы сравнить,
Без коих во мгле бы осталась природа.*

(«Ураганная ночь») [2, 44]

Поэт постоянно считает себя близким родственником Солнца:

Мен – Күн ұлы, көзімде Күн нұры бар.

Следует обратить внимание на то, что солнце во всех стихотворениях автора пишется с большой буквы. Поэт делает это не из-за того, что считает солнце именем собственным, а по причине великого, большого значения солнца для людей.

Ничего удивительного в том, что издревле человек признавал источник света и тепла своим главным Богом. У индусов

Богом Солнца был – Сурья и Савитор, персов – Ормузд, ассириян – Издубар, египтян – Озирис и др. Прося у Неба благ, желая друг другу добра, люди говорили: «Дай Бог!». Поэтому у древних славян существовал Дажь Бог.

Символизм привнёс в литературу и в поэзию новые идеи, образы и трансформировал уже имеющиеся. «Тема молитвы, которая была присуща русской литературе и поэзии (Пушкин, Лермонтов и др.) в символизме приобрела особое звучание, вызванное изменившимся мироощущением, связанным с брошенностью, страхом и пустотой», поскольку «в эпоху символизма человек ощутил себя одиноким на затерянной в космическом пространстве Земле, одиноким под пустым небом» (Брюсов В. Я.).

Поэтому неслучаен интерес рубежа 19-20 веков к жанру молитвы, где горестные, безответные взывания к Богу являются осознанием поэтом новых веяний. Как писал в своих дневниках родоначальник символизма в России Брюсов В. Я.: «Обращение к форме молитвы в поэзии связано с тем..., что в этом жанре создаётся новая эстетическая реальность...». У поэта Магжана Жумабаева чувства обречённости выражены в следующих строках:

*Один я в степи всей, один я, как крест. [2, 32]
... Впадая в беспамятство, пленник тоски,
Слезами тоски орошаю пески.
Я рад здесь скорей умереть от удушья. [2, 32]*

*Келем жалғыз, жаяумын.
Жаныма ерген жолдас жоқ,
Төрт жағым дала – жер де көк,
Жылауға да таяумын. [1, 84]*

С древних времён люди обожествляли солнце, поклонялись ему. Вот, например, гимн Солнцу древних друидов:

*О, Солнце!
О, Божественное Солнце!
Взойди и озари родную нашу Землю...*

У русских поэтов 19 века образ солнца радостный и восторженный, например, у Тютчева «уж солнца раскалённый шар с главы своей земля скатила». [65, 384]

В сознании человека 20 века в восприятии образа Солнца поменялось многое: представители разных направлений в поэзии, «в этом мире из серебра». «Русские поэты-символисты с мучительной напряженностью переживают проблему личности и истории в их «таинственной» связи с «вечностью», с сутью вселенского «мирового процесса». Внутренний мир личности для них – показатель общего трагичного состояния мира». [69, 380] На границе 19 и 20 веков произошло обновление мнений на мир. Эмоциональный и социальный фон жизни России и Казахстана требовал перемен, переоценки бывших ценностей, интересных в прежней жизни обществ. В этом плане происходит параллельное осознание у русского символиста Д. С. Мережковского и М. Жумабаева. Мережковский обращается к Востоку:

*Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк. [6, 522]*

Казахский символист Жумабаев, в свою очередь, дает оценку Западу, т.е. России, где

*...сгустился мрак ночной,
Там Солнце ныне не взойдет с зарей.
Во мгле ночной лишь демоны кружат,
И даже Бог растоптан там толпой. [2, 54]
Поэт объявляет себя Пророком
Слепец несчастный, ты глаза раскрой
С Востока я иду к тебе с зарей.
Иду к тебе, я призванный пророк,
Дождись меня, готовься к «Отходной». [2, 56]*

Менялись средства художественной выразительности. Искусство «Серебряного века», символизма и вместе с тем философии космизма в поэзии Жумабаева – это яркое воплощение чистого бунтарства, сопротивление серой обыденной жизни,

это величие и высота человека – творца. В отличие от русских космистов у Магжана с Солнцем практически кровное родство:

*О, не грусти, слепец мой, дай мне срок,
Я Солнца сын, верней его зрачок.
Иду я к вам, пылая словно весть,
Рождённый гунном солнечный пророк.*

(перевод А. Кодара) [2, 61]

*Қайғыланба, соқыр сорлы, шекпе зар,
Мен – Күн ұлы, көзімде Күн нұры бар.
Мен келемін, мен келемін, мен келем –
Күннен туған, Ғұннан туған пайғамбар.*

[2, 185]

Он не просто описывает статическое состояние небесного светила, в нём, в его душе кипят огненные страсти:

*Предан Солнцу душой... [2, 15]
...Я люблюсь собой.
На земле одинок,
Лишь огонь только Бог. [2, 15]*

*Күннен туған баламын,
Жарқыраймын, жанамын.
Күнге ғана бағынам.
Өзім - күнмін, өзім – от...
...Мен - оттаймын, от - менен,
Жалынмын мен, жанамын.
Оттан туған баламын... [2, 174]*

Если русский космист К. Д. Бальмонт признаётся в своём бессилии перед солнцем, выражает мысль служить небесному светилу:

*Я тебя воспеваю, о, яркое жаркое Солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво и нежно пою,*

*И хоть струны Поэта звончей золотого червонца,
Я не в силах исчерпать всю властность, всю чару твою.
[67, 193]*

Константин Бальмонт называл свои стихи «солнечной пряжей». Он писал о поэзии: «я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце и синий кругозор» [67, 125]. В символистской поэзии русских поэтов Солнце – идеал космической красоты. Поэт К. Бальмонт о Солнце: «Будем как Солнце всегда молодое, нежно ласкать огневые цветы» [67, 126]. Гимн Солнцу и Огню и призыв к людям быть огнелюбивыми.

В описании Солнца поэт Магжан внёс кардинально новое определение:

*Я Огнебога дитя...
Я со мглою во вражде...*

Концептуальное, т.е. имеющее серьёзную концепцию (Ожегов С. И.) пространство – это художественное пространство Неба, Солнца, Восхода и др. Образ Неба и Солнца проходит сквозным концептом через всю поэзию Магжана. Ещё при жизни, трудной, полной унижений со стороны большевизма, поэт определил себе место:

*Сын космоса, я ваш лишь до поры... [2, 14]
Я сам и царь, и сам себе – судья...
Лишь сам я бог, себе поклоны бью,
Мой слог – Коран, я свой лишь слог люблю. [2, 14]*

*Көкте – Күнмін, көпке нұрым шашамын,
Көңілге алсам, қазір ғарышқа асамын.
Шеті, түбі жоқ теңізбін қаракөк,
Ерігемін – толқып, шалқып, тасамын.*

Небесное пространство поэту ближе, чем земное. Овчинникова К. Н. считает, что Солнце – творение космоса, а поэт – его порождение. Главное сравнение. наполняющее концепт

космоса: Солнце – это я. Автор стихов отождествляет себя с Солнцем. Кого-то новый 20 век захватывал ожиданием нового, кто-то предрекал конец цивилизации и полное разрушение. Как тревожный набат звучали стихи известных поэтов – космистов России, и это оказалось предсказуемой трагедией: многие погибли в терроре. Панибратское отношение к Солнцу – не новость среди футуристов. Это настроение прекрасно выразил В. В. Маяковский в «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче»: «...и скоро, дружбы не тая, бью по плечу его я. А солнце тоже: «Ты да я, нас, товарищ, двое!» [66, 187]. И поэт подчиняется девизу Солнца:

*Светить всегда, светить везде,
До дней последних донца,
Светить - и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой и солнца! [66, 187]*

Магжан пишет: «... Я в тебе, Солнце, чьи лучи щедры...». Образ автора – это образ небесного светила. Сравнение: я – сын Солнца. Космоса, показывает поэтическую цепочку, в которой одно сравнение вытекает из другого: Солнце – Огонь – Бог. Солнце – это огонь (Я пылаю как он...), Огонь – это Бог (лишь огонь только Бог).

*Огню поклоны бил твой дед...
... Огонь есть Бог... [2, 55]
... Огонь же – это небосвод,
Лишь он всю землю обоймёт. [2, 55]
(перевод А. Кодара)*

*Атаң отқа табынған,
Өзің бірге бағынған.
Тәңірің - оттан боп үміт,
Атаң отқа табынған.
Жан ба еді ол жауға жалынған?!
Сыр бола ма жыр мен от?*

Вот именно очистительная сила огня даётся нам в назидание.
В поэзии Магжана любой найдёт спасение для своей души.

*Веру свою и совесть
Омыл я пламенем
И сердце мое, и душа – огонь,
И вера моя, и совесть – огонь.*

«Огненная» суть жизненных ситуация возникает у Магжана из необходимости борьбы с окружающим хаосом.

Таким образом, по утверждению П. А. Флоренского, русского философа, существует «идеальное родство» мира и человека, их «пронизанность» друг другом, взаимосвязанность. И мир, и человек одинаково сложны и внутренне бесконечны, поэтому они могут рассматриваться как части друг друга. «Мир есть раскрытие человека, проекция его».

Человек совмещает в себе все возможные противоположности... «Человек есть вместе и божество, и ничтожество», - писал русский философ Соловьёв В. С. После космического и теологического развития, в процессе которого человек проходит путь астральных религий через солнцеклонство, начинается новая фаза развития человека.

Изменять человеческую природу можно только с изменением мира. Если человек, не изменяя себя, не став на путь собственного одухотворения, начинает покорять или преобразовывать природу или мир, он приходит к неизбежному дисбалансу, к кризису, экологическому или нравственному.

Бурное развитие технологии в наши дни привело закономерным кризисным явлениям. В философии космизма научная картина мира сводилась к идее органичной связи человека и космоса.

Русские мыслители Фёдоров Н., Н. Холодный развивали идеи космизма в терминах антропокосмизма. «Поставив себя на место Бога, - писал Холодный, - человек разрушил... связь с природой и обрёк себя на продолжительное одиночное существование». А. Чижевский отмечал, что «человек не только земное существо, но и космическое, связанное всей своей биологией, всеми молекулами, частицами своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями».

***Экзистенциализм
в поэзии Магжана***

Экзистенциализм в поэзии Магжана

В Большой Советской Энциклопедии даётся определение экзистенциализму как философии существования.

«Определяя экзистенцию через её конечность, экзистенциализм толкует последнюю как временность, точкой отсчёта которой является смерть». [68, 1756]

«Историчность человеческого существования выражается, согласно экзистенциализму, в том, что оно всегда находит себя в определённой ситуации, в которую оно «заброшено» и с которой вынуждено считаться». [68, 1756]

«В экзистенциализме преобладает настроение неудовлетворенности, искания, отрицания и преодоления достигнутого. Трагическая интонация и общая пессимистическая окраска экзистенциализма являются свидетельством кризисного состояния, господствующих в нём крайних форм отчуждения, поэтому философия экзистенциализма может быть названа философией кризиса». [68, 1758]

Многие проблемы, связанные с изучением поведения человека в мире, объединяют философию и литературу, потому что по сути имеют общий объект исследования, например, психологический анализ, который является основой экзистенциализма. Это не значит, что он решает все поставленные вопросы, скорее, он подготавливает разрешение многих из них.

Философия экзистенциализма зародилась в Германии в 20-е годы XX века, её идеологами были М. Хайдеггер и К. Ясперс. Главными книгами Хайдеггера были «Бытие и время» и «Фундаментальная антология», Ясперс написал «Духовную ситуацию эпохи». Это был первый период, сугубо философский, когда учение было камерным. Второй период наступает после II мировой войны, когда растёт популярность экзистенциализма, в это время он тесно соединяется с литературой. Первыми популяризаторами экзистенциализма были французские писатели Ж.П. Сартр и А. Камю, позднее эта концепция становится ведущей в творчестве писателей разных стран: Ж. Ануй – во Франции,

А. Мердок, У. Голдинг – в Англии, Э. Носсак, У. Йонзон, А. Андерш – в Германии, А. Миллер, Э. Олби, У. Стайрон, Д. Болдуин. Н. Мейлер – в США. Третьим периодом можно назвать наши дни, так как основу своей этики молодёжь черпает из экзистенциализма.

Ефремова Л.М. считает, что предчувствие экзистенциалистской теории можно найти в литературе XVIII-XIX вв. В числе предшественников окажутся писатели, которые рассматривали сходные проблемы. И.В. Гёте предугадал в силу своей гениальности экзистенциалистскую манеру мышления, у Ф. Достоевского есть с ней сходство в выборе объекта для психологического анализа. Среди философов, близких к экзистенциализму, называют Л. Шестова и С. Кьеркегора. Выдающимся критиком экзистенциализма был Б. Брехт, который считал его опасным, видя в нём восприятие мира не с точки зрения удачных судеб, а с точки зрения кризисной эпохи, наполненной страданиями. Так как философия экзистенциализма обращена к практическим шагам человека, к его повседневной жизни, то актуальность её очевидна.

Хайдеггер и Ясперс выделили из многообразия человеческой жизни существование (экзистанс). Хотя философия экзистенциализма отличается афористичностью, исчерпывающего определения экзистанса нет, есть лишь его описание: это движение, равномерное, недетерминированное и недискретное, обладающее особым ритмом. Оно всегда с нами, это жизнь человека в себе, ощущение себя, оно предшествует сущности, которая имеет периоды и эпизоды, потому что человек развивается под влиянием жизни и среды. Каждый человек живёт в своей стихии экзистанса, соизмеримой со вселенной. Профессор А. Фёдоров, анализируя экзистенциализм в литературе, приводит удачный пример описания такой вселенной в «Марсианских хрониках» Р. Бредбери. В главе «Третья экспедиция» рассказывает о том, как марсиане сумели победить жителей Земли, прилетевших к ним, изучили экзистанс каждого, выстроили его вселенную, а это было движение вспять, в детство, в воспоминание, что сделало членов экспедиции безоружными, и марсиане их всех убили. Этот эпизод подчёркивает непреодолимость власти экзистанса.

К анализу экзистенциалистской концепции обращаются в своих работах Е.М. Евнина, Л.Г. Андреев, А.А. Фёдоров, Н.Т. Пахсарьян и др. А.А. Фёдоров обращается к этой проблеме в более широком контексте. Он предлагает выделить три главные проблемы, чтобы обосновать и подтвердить ключевое значение следующих акцентов: содержание экзистанса, взаимодействие экзистанса и мира и взаимоотношения экзистансов между собой.

Первый вопрос обсуждается постоянно, потому что речь идёт об эмоциях, которые то ли присущи нашему существованию, то ли определяются окружающей средой. Ж. П. Сартр в «Тошноте» и «Дорогах свободы» утверждает, что существовать – это значит испытывать чувство тошноты и страха. В знаменитой сцене «у дуба» главный герой Рокантен вдруг чувствует что-то враждебное по отношению к себе, он ощущает прилив тошноты, его раздражает город, дома, наполненные вещами, мешает существование других. Если «внешность» не является вечным началом и носит социальную характеристику, то Сартр, открывая враждебность экзистанса вещиности, критикует мир собственников.

Хайдеггер и Ясперс находят первооснову эмоционального содержания экзистанса в «Заботе», определяя её как «экзистенциальную априорность».

Они трактуют его как проклятие, как неудачу бытия, поэтому глубоким пессимизмом наполнен афоризм Ясперса: «Самое неудачное для Вас в том, что Вы существуете». Значение заботы открыл Гёте во II части «Фауста», но он не видит трагедии, а Б. Брехт, продолжая тему, в «Кавказском меловом круге» описывает Груше Вахнадзе как олицетворение заботы. Заботясь о чужом ребёнке и отдаляясь от возлюбленного, она будто бы терпит неудачу, на самом деле забота совершенствует её как личность, и она везде одерживает победу.

Экзистенциалисты считают, что каждый экзистанс имеет неповторимое творческое содержание, так как индивидуально окрашивает картину жизни. Человек может понять свою экзистенциальную задачу, а может и не понять, её осуществление приводит к должной жизни, а игнорирование – к недолжной. Цель педагогики состоит в том, чтобы

заниматься поисками экзистенциальных и социальных импульсов человека, который может человека мучить и будоражить, иначе он станет конформистом и будет жить с оглядкой на других, что называется недолгой жизнью.

Экзистенциалисты не дают подробной характеристики внешнего мира, вместо причинно-следственных связей господствует безграничная свобода. Этому вопросу посвящена работа Сартра «Бытие и ничто» (1943), которая имеет принципиальный характер, так как обосновывает проблему свободного выбора. Особая уязвимость ведущей позиции в том, что мир представляется как хаос, в котором не на что опереться, невозможно передать свой опыт другим. Сартр говорит, что будущее лежит перед нами совершенно открытым, незапланированным, и его картина зависит от миллиардов свободных выборов. Крушение, однако, состоит в том, что признается плодотворность любого выбора.

Экзистенциалисты изучают не взаимодействие характеров, а существований, пытаются определить какие-то закономерности в человеческих отношениях, они вносят осмысление в их интимную область. Следует отметить, что скорее привлекательна постановка вопроса, чем его решение.

Так экзистенциалисты утверждают, что человек обречён на одиночество, так как другое существование враждебно нашему. Известны высказывания Сартра о том, что каждый видит в другом начало зла, экзистансы не терпят сближения, поэтому мудрость в том, чтобы не навязываться другим, лучше держать близких на расстоянии, так как они более всего жалят и др. Притчей об экзистенциальном одиночестве называют пьесу Сартра «За закрытой дверью» (1945), в которой герои умирают, и им предстоит суд, но по дороге в ад они попадают в гостиницу, где ссорятся, раздражаются и приходят к выводу, что в аду будет лучше. Но другого ада не будет, адом является их принудительно существование.

Анализируя чувства любви и дружбы, экзистенциалисты говорят о частичной близости экзистансов, но советуют внимательно изучить смысл коммуникаций. Они говорят о силе и слабости экзистансов, встречаясь, которые оказываются победителями или побеждёнными. Различная интенсивность существования никак не выражается внешне,

но в момент столкновения происходит трагедия и слабый экзистанс оказывается абсолютным проигрышем в жизни. Интересен в связи с этим пример «Идиота» Ф. Достоевского, который психологически уловил суть подобного конфликта. Когда он сравнивает Аглаю и Настасью Филипповну, то преимущества оказываются на стороне Аглаи: она молода, красива, представительница высшего света. Настасья Филипповна тоже красива, но описана скорее с жалостью, с сочувствием. При встрече Аглая была побеждена, сцена описана так, что сильный экзистанс Настасьи Филипповны уничтожил экзистанс Аглаи.

В трактовке дружбы и любви экзистенциалисты отрицают их подлинность, эти чувства несовершенны, так как нет совпадающих экзистансов, в результате возникает асимметрия. По их мнению, в жизни вместо глубоких отношений встречаются их суррогаты, которые появляются по смежности, то есть в одном коллективе, по пространственной близости, могут быть связаны с благодарностью или с желанием воспитать или завоевать любовь. Отвергая подобные попытки, экзистенциалисты утверждают, что дружба и любовь даются нам за наше существование, значит любящему дорога наша жизнь, а заслуги скорее всего нужны на работе. Отмечая парадоксальный смысл дружбы и любви, экзистенциалистские авторы не склонны видеть позитивного и гармоничного явления в сближении людей. Можно вспомнить слова Сартра о том, что тема его драматургии – это фиктивное сообщество, близость – недостаточно тесная и чуждость – недостаточно определённая.

«Самая лучшая коммуникация создаёт лучший тип одиночества». Трагическим афоризмом можно назвать слова Сартра: «Существовать – это чувствовать тошноту от присутствия других существований».

Ж.П. Сартр (1905-1980 гг.) был первым, кто соединил экзистенциализм с литературой, он интересен и как личность, и как художник. Его раннее творчество, включающее трактаты и художественные произведения периода второй мировой войны, тесно связаны с экзистенциалистской концепцией. Особенно показательна пьеса «Мухи» (1943), которая соединяет античный миф и философию XX века.

Автор исследует универсальный конфликт, суть которого в столкновении подлинного человека и мира фатализма.

Согласно философии экзистенциализма, чтобы осознать себя как «экзистенцию», человек должен оказаться в «пограничной ситуации», - например, перед лицом смерти. Экзистенциализм – философия существования об уникальной жизни человека. Одним из первых ввёл этот термин Карл Ясперс в 1931 году в работе «Духовная ситуация времени». В России экзистенциализм возник накануне Первой мировой войны 1914-1918 гг. в трудах русских философов, Л. Шестова и Н. Бердяева. Философы-экзистенциалисты считали, что катастрофические события начала 20 века обнаруживали неустойчивость, хрупкость индивидуального человеческого бытия. Индивиду, чтобы устоять в этом мире, необходимо прежде всего разобраться со своим собственным внутренним миром.

По В. В. Заманской, экзистенциальная литература и поэзия отражает жизнь, является ситуацией катастрофы, кризиса, разрушения, смерти; доминирует «сюжет, где мир без Бога» превращается в «мир без человека».

Зигмунд Фрейд, немецкий философ, считал, что экзистенциальное мышление познаёт «сущность бытия» в предельной, пограничной ситуации, которая обнаруживает «психологические первоосновы человека», его метафизические позывы.

Переворот в типе мышления совершил А. Шопенгауэр, немецкий философ. В центре катастрофического бытия он поставил собственное Я. Его называли певцом «мирового пессимизма».

«Основные модусы бытия в экзистенциализме – это заброшенность, страх, муки совести, положение «отчужденного» человека во враждебном ему мире, в иносказание вкладываются по преимуществу тревога, угнетенность, смятение». [69. 506]

Одним из главных обвинений в 20-30 годы Магжану Жумабаеву, как поэту, был пессимизм. Во всех учебниках по казахской литературе с 20 по 80 годы 20 века этот факт пессимистического настроения в лирике был главенствующим.

У Шопенгауэра философское переживание кризисного мира сближается с эстетическими переживаниями. Осуществив «переоценку всех ценностей», Ф. Ницше, немецкий мыслитель, экзистенциализировал сознание людей. Он снял все «пределы» - морали христианства, он освободил мир от Бога, он лишил человека опоры. Герои писателей Достоевского и Толстого умирают не в христианском смиреннии, а в дьявольском бунте. В повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» писатель рассматривает три смерти: барыни, мужика, дерева. Дерево умирает спокойно, честно и красиво, ... потому что не лжёт, не ломается, не боится, не жалеет (Толстовский комментарий). Однако впоследствии дерево рубят на крест мужику.

Пессимистические рассуждения о смысле жизни высказывал немецкий философ – А. Шопенгауэр. Он считает, что весь смысл жизни сводится к страданию. Он перефразировал известный принцип Декарта «мыслю, значит, существую» в положение «страдаю, следовательно, существую».

*Я в бескрайней степи понукаю коня
Одного, без друзей, ночь застала меня...
Завывает буран, гоношится метель,
Жидкий снег превратил всю дорогу в кисель...*

*Снег вокруг для него, словно саван...
И хмель позабыл, «отходную» читает метель.
Ух, крепчает буран, начинает душить,
Еду я одинок, нет нигде ни души...*

*Я, возможно, не тою дорогой иду...
Заблудившись в степи, в хладный саван одет,
Может, в этой степи я найду свою смерть.
И умру я в степи, снежным саваном скрыт.*

(перевод А. Кодара «Зимняя дорога») [2, 33]

*Жанымда жоқ тірі жан.
Тоңазыды денем де,
Адаспай дұрыс келем бе?
Қорқып жүрек ойнайды,
Көз алдыма елестеп,
Әлденелер келеді.*

[3, 126]

Рефрен одних и тех же слов: одинок, одного, без друзей, саван, еду я одинок, в хладный саван одет, снежный саван, и умру я в степи. Душевные страдания лирического героя в тему с философией экзистенциализма. Главная мысль: я, возможно, не тою дорогою иду?

Согласно теории Шопенгауэра, человеку приходится вести постоянную борьбу с природой, обществом, другими людьми, его окружающими. Стихийные силы природы наносят человеку громадный ущерб, ведутся постоянные войны, преследования, в которых гибнут тысячи, миллионы людей. А главный источник самых серьёзных зол, постигающих человека, «это сам человек: человек человеку волк». Шопенгауэр считает, что человеку в общем присуще множество отрицательных черт: злоба, злорадство, жестокость, эгоизм. Эгоизм необычайно силён, большинство бедствий человека коренятся в нём и им объясняются. Лозунг таких людей – «всё для меня и ничего для людей». Этот лозунг разъединяет людей, обособляет и делает враждебными друг другу. В своей книге «О ничтожестве и горестях жизни» Шопенгауэр выделяет главные выводы:

1/ от природных, общественных и людских стихий человек страдает, печалится, лишается покоя и радости.

2/ жизнь его проходит в непрерывной борьбе за само существование, на каждом шагу ему угрожает гибель.

3/ самое счастливое время, когда он засыпает, самое несчастное мгновение – когда он пробуждается.

Данные философские воззрения Шопенгауэра являются точными для судьбы поэта Магжана. Он мог бы подписаться под каждой строчкой философа. Мы видим и чувствуем в поэзии Магжана философское выражение глубоких потрясений его времени.

Тема одиночества, смерти, образ савана – смертной одежды не случайны в лирике поэта. Во время гражданской войны, голода, разрухи, когда казахи подвергались изгнанию с родной земли, когда сын шёл против отца, а брат против брата, по-моему, и появились постоянны эпитеты в стихах Магжана: «мёртвая голая степь», «чёрная туча», «голос мой, полный печали и боли», «несчастный казах». У лирического героя стихотворения «И меня ты, смерть, убаюкай», «изнемог», «устал», «иссякли силы» у него, «обескрылело сердце-птица».

Вселенская тоска-печаль влилась в сердце поэта. В стихотворении «осенний день» Магжан вступает в диалог со всей природой: «с птицей дрофой, которая песню допела, овдовела»; плачет, желтея, земля, лето умчалось в чужие края; небо омоет, оплачет, непогода заколотит страдальицу в гроб; берёзка уже облетела, дрожит каждой ветвью, молит у здешнего бога себе сострадания, но нет сострадания; один карагач не побеждён. А я? – вопрошает поэт. На кого я похож... я сам по себе позабыт, одинок... я смертен, когда я умру, не умрут ли берёзы? Когда я улягусь в обнимку со смертью... кто плакать останется – не надо мною – над нашей брэнною долей земною? Один Милосердный с бездонных высот. Это стихотворение подтверждает позицию немецкого мыслителя – С. Хайдеггера – в том, что выбор человека предполагает необходимость поставить себя перед лицом смерти. Тем самым человек оказывается перед лицом ничто. Только актом своего выбора перед лицом смерти, или ничто, человек обнаруживает и для себя, и для мира, что ему подсказывает бытие. Выбор человека, по Ясперсу, происходит перед лицом Бога, и подлинный его выбор – это выбор в себе «образа божьего».

С точки зрения поэзии, чтобы усилить эмоции перед смертью у поэта умирает и страдает вся природа.

Поэт, находясь в состоянии тревоги и отчаяния, вопрошает бытие об истине жизни, о смысле смерти. Ощущение обездоленности – это не только следствие декадентских (Декадентство, также декаданс – направление в литературе, творческой мысли, самовыражении периода *fin de siècle*, которое характеризуется эстетизмом, индивидуализмом и

иммoralизмом) настроений рубежа веков, одиночество человека – это его единственная земная судьба.

*...Мне смерть дороже жизни,
Я сам прошу о смерти,
...Так отчего, о Боже,
Душе нет излечения.*

*(перевод А. Кодара «Недуг»
[2, 136])*

*Не қылса да, ол өлімнің өз еркі,
Жындандырад мені сұлу нұр көркі.
Құшам, ішем, жынданамын, жылаймын,
Бүгінгі күн өмір, өлім – менікі!*

[3, 81]

В лирике поэта стал одним из главных голос тоскующей, напряжённой смертной тоски. Лирического героя Жумабаева съедает тоска по собственной смерти. Русский философ Соловьёв считал, что замкнутость на мысли о личной смерти – это результат богоборческого посягания на Божье дело. У лирического героя поэта Жумабаева нет страха смерти. Революции и войны воздвигли вокруг свидетеля 20 века живые картины, изображающие смерть. Это кризис внутреннего мира человека. Начальные десятилетия 20 века вручили философам-экзистенциалистам новый тип человека, жить не желающего и изверившегося в жизненных ценностях. Это можно наблюдать в творчестве русских писателей Л. Н. Толстого, Достоевского, А. П. Чехова и мн. др. «Русские интуиции смерти и опыт переживания почти не изучены», - считает Исупов К. Г.

Стихотворение «Упокой меня, смерть, упокой!» является гимном людей, живущих в пределах жизни и смерти, на грани «мерзостей человеческих», по определению А. М. Горького.

«Нет сил моих больше, устал я вконец». Поэт снова вступает в диалог с природой: с тучами, с ветром...

*И ветер лениво нам взвояет о том,
Что кто-то вот умер: как жизнь коротка...
О ветер, не надо жалеть ни о ком.
Прошу, успокойся и плач свой уйми,
Ведь смерть – это радость, ты это пойми.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о смерть, упокой!
Упокой меня смерть, упокой!*

(перевод А. Кодара)
[2, 62]

*Жел бұйығып тербелед,
Әлдекімнің өлгенін,
Оны қалай көмгенін.
Әңгіме ғып күңіренед.
Жел, күңіренбе, жасың тый,
Өлім күйі – тәтті күй,
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!*

[3, 141]

В противовес русской философии смерти, христианской философии, в стихах Магжана выражается отношение к смерти с точки зрения ислама. Ведь Жумабаев дважды изучал каноны ислама в двух медресе. И если судить по его стихам, поэт был глубоко верующим в ислам человеком.

Как и многие другие мировые религии, Ислам проповедует веру в загробную жизнь (ахирет). В религии пророка Мухаммеда – это понятие считается настолько важным, что посланцы Аллаха (Расулы) во все времена считали даже малейшее отступление от веры в жизнь за гробом отступничеством от Аллаха. Ислам учит, что человек не должен бояться смерти: человек, уходя в землю, непременно обретёт Вечную жизнь.

По Исламу, могила праведника является преддверием райского сада, а грешника – преддверием ада. Очевидно, что лирический герой поэта считает единственным спа-

сением от тягот жизни, и всё же мы не чувствуем особой трагичности в ожидании смерти, ведь там в раю «райские цветы», смерть по Исламу «более высокая ступень жизни». В раю «реки из воды непортящейся, и реки из молока, вина, мёду очищенного»... Праведники одеты в «одеяния земные из сундуса и парчи, и украшены они «ожерельями из серебра» и т.д. В качестве прислуги у праведных будут «мальчики вечно юные и гурии». Возраст попавших в рай будет один на всех – 33 года. Пророк Мухаммед так встречал умерших, что ни глаза, ни уши, ни умы этого не постигли. Всевышнему говорили: «Верни меня в мир живых, чтобы я мог рассказать тем, кого оставил там, насколько прекрасно ожидаемое после смерти!»).

НЕДУГ

*Мне смерть дороже жизни,
Я сам прошу о смерти,
...Так отчего, о, боже,
Душе нет излеченья.*

(перевод А. Кодара) [2, 136]

АУРУ

*«Дәрігер, дәрі, бақсы!» - деп
Алмаңдаршы мазаны.
«Тірліктен өлім жақсы деп!» - деп,
Сұраймын өзім қазаны
...Уланды жүрек, жан күйді,
Ішім толған қызыл шоқ.
Не себептен, тәңірі ие,
Денеме ем бар, жанға жоқ?!*

[3, 120-121]

Немецкий философ-экзистенциалист Хайдеггер и другие мыслители считали, что человек не должен убегать от сознания своей смертности.

Этот мотив ярко выражен в экзистенциалистском учении о «пограничных ситуациях» - предельных жизненных обстоятельствах, в которые постоянно попадает человеческая личность и главная «пограничная ситуация» - это ситуация перед лицом смерти лирического героя поэта Магжана Жумабаева. Для религиозного экзистенциализма главный момент выбора «за» или «против» Бога. «За» - значит путь веры, любви, смирения. В результате человека ждёт бесконечное блаженство. Вот так, очевидно, можно рассматривать якобы пессимизм – главное обвинение современников поэта. Поэт по сути своей был поборником философии экзистенциализма.

Люди к смерти всегда относились неоднозначно: одни не хотели думать о ней, другие пытаются усмотреть её тайну, усмотреть её суть, чтобы избавиться от ощущения враждебности к ней. Религиозная мысль предполагает иное представление и другую модель поведения человека перед лицом неизбежного исчезновения из этого мира.

*...Когда я улягусь в обнимку со смертью
На чёрную землю под зыбкий песок.
Кто плакать останется – не надо мною –
Над нашею брэнною долей земною?
Один Милосердный с бездонных высот.*

[2, 67]

Как пишет Н. Н. Багандов, «тема абсолютного торжества над физической и духовной смертью – сокровенный нерв коранического откровения». В соответствии с мусульманскими убеждениями, у тех, кто верит в Бога и совершает праведные поступки, смерть не должна вызывать страха. [30]

Лирический герой поэта Магжана уверен – «впадая в беспамятыство, пленник тоски», слезами тоски орошаю пески. Я рад здесь скорей умереть от тоски. (перевод А. Кодара)

*...Келем жалгыз, жаяумын.
Жаныма ерген жолдас жоқ,
Төрт жағым дала – жерде көк,
Жылауға да таяумын.*

По Заманской В. В. «экзистенциальная эстетика преодолела категорию личности и возвращала миру человека как такового». Экзистенция человека пребывает в ситуации «один на один с бытием, жизнью/смертью, собственным Я».

Человек – величина самоценная и самодостаточная является основным сюжетом экзистенциальной литературы и поэзии.

Самосознание верующего и неверующего человека в корне различны, а именно безбоязненность верующего человека перед лицом смерти. В человеке есть такое начало, которое имеет неразрушимую природу – это дух. Как утверждает Джемалёв Г. «смерть является лишь возвращением туда, откуда человеческий дух вышел, - возвращение к Богу».

Феномен личной смерти характерен для религиозного сознания:

*Нет сил моих больше, устал я вконец...
...Ведь смерть – это радость, ты это пойми.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о смерть, упокой!*

[2, 62]

(кто-то умер; упала берёзка; погиб тот гонец, хоть возрастом мал; путник идёт по тропе, одинок; но путник тот умер; и т.д.)

Она, как цветочек, что только пророс; ребёнок лопочущий.

*...Возьми на колени меня как мальчика,
Приди же, о смерть, прошу, поскорей.*

(перевод А. Кодара) [2, 65]

*Бүгінгі күн өмір, өлім – менікі!
Не қылса да, өлімнің өз еркі.
Жындандырад мені сұлу көркі.
Құшам, ішем, жынданамын, жылаймын,
Бүгінгі күн өмір, өлім – менікі!
Қажыдым, енді, күш бітті
Өлім күні – тәтті күн.*

*Балқиды жаным бұл күйге,
Мені де, өлім, алдиле,
Әлдиле, өлім, алдиле!
«Мені де, өлім, алдиле!»*

[2, 186]

Сол жас қайын құлапты, майданға ұлан қайыпты; ... сұлу көз жас төгіп, тұншығып жасқа өліпті...; талпынған жас нәресте, ақ қанатты періште...;

Келші өлім, тезірек.

Главная мысль: ведь смерть – это радость. Смерть – необходимое условие жизни, она присутствует внутри каждого мгновения жизни. «Талпынған жас нәресте,- воспоминание о ранней смерти девятымесячного сына поэта.

Н. Н. Багандов считает, что «на всём лежит печать смерти: на людях, которым предстоит умереть и уйти в недосыгаемую бесконечность, на каждом мгновении, которое сменяется и становится прошлым, на будущем, которое станет настоящим и неизбежно уйдёт в прошлое».

Когда человек встаёт перед лицом смерти, он, по сути, остаётся один на один с самим собой, поскольку свою смерть он не может «передать» кому-либо. Каждый человек умирает за самого себя. И в этом заключается уникальность каждого индивида, ведь смерть – это, пожалуй, самый большой секрет во всей человеческой жизни.

Перед литературоведением 21 века стоит глобальная задача по исследованию, восстановлению целостной картины литературного процесса. Под запретом оказалась потаённая поэзия и проза в силу политических факторов, разрушивших естественную связь между авторами и читателями. Проза русских авторов А. Солженицына, Ю. Домбровского, В. Шаламова стала печататься несколько десятилетий назад, но изучение лагерной лирики находится на первичной основе. Если характеризовать поэзию ГУЛАГа, то основным признаком можно выделить сосуществование политизированного и экзистенциального значений. Как отмечает В. Заманская,

«экзистенциальное сознание, открывшее человеку трагедию его существования в мире – необходимый атрибут художественного творчества». Влияние экзистенциальной традиции проявляется в модели мира, которая складывалась в творчестве поэтов-узников. По Заманской, в экзистенциальной философии мир – «замкнутое пространство, замкнутое в себе». Общеизвестно, что и казахский поэт-символист Жумабаев был осуждён и отбывал «наказание» в Соловецком монастыре с 1929 года. Обвинялся в национализме. Очень много стихов тех лет не сохранились. На сегодняшний день только по контексту можно догадываться, какие стихи посвящались казахскому народу в годы гонения. Обращение к нации – стихотворение «Братьям из Сыр-Дарьи»:

*...Люби огонь, что дед любил.
...Огонь лишь Бог, ты верь в него...
...Очистить чтоб ослабший дух,
Вам лишь огонь даст жар и свет.*

(перевод А. Кодара) [2, 55]

*От дегенің - аспан ғой...
Аспан жерді басқан ғой...
Отқа табын, тәңір - от,
Оттан басқа тәңірі жоқ.*

[3, 150]

Данное стихотворение с полной уверенностью можно назвать обращением к нации.

Особенно отчётливо проявляется признак замкнутости лагерного мира. Соловецкий лагерь – центральный топоним в поэзии ГУЛАГа, ставший символом системы.

Остров в силу географических особенностей является изолированной территорией, он замкнут, оторван от материка, отделён морем. Это особенность островного государства проявляется у поэтов на лексическом уровне.

В стихотворении: Сағындым (Тоскую) поэт Магжан пишет: (нет перевода на русский язык, перевод подстрочный)

Абактыда айды, күнді сағындым,
 [В тюрьме тоскую по месяцу, по солнцу]
Сарғайдым ғой, сар даламды сағындым.
 [Тоскую по золотой степи]
«Қарашығым, құлынып!» - деп зарлаган
Алыстағы сорлы анамды сағындым.
 *[Тоскую по бедной матери, для которой
я был зрачком глаз, жеребёнком]*
Жатқан үйім – қабырғасы қара тас,
 *[Нахожусь в помещении
с чёрными каменными стенами]*
Жарық сәуле, жылы күнге жаны қас,
 [Нет ни солнечного света, ни тепла]
Ауыр иіс, ылғи қара көлеңке,
 [Тяжёлый запах, постоянная чёрная тень]
Ерте-кеш те, күндіз-түні арылмас.
 [Никогда не проходят]

[3, 115]

Как отмечает Д. В. Сапина «в потаённой поэзии замкнутость мира – это объективная реальность». Система искусственно создаёт для человека условия тотальной несвободы. Законы, обычаи, устройство быта в зоне таковы, что адекватное человеческое общение, по сути, запрещено.

«Море страж неумолимый» (Фроловский), например. В поэзии лагерной лирики лирический герой оказывается в строго ограниченном пространстве экзистенциального мира, а именно: в камере, в зоне, в лагере Гулага и страны Советов в целом.

СОН

*Мой взор не видит ни луны, ни солнца,
Свет дня давно погас в моём оконце.
Я не пойму, чему так рады люди,
Лишь жду тот миг, когда свой срок закончу.
Я полон сил напрасных и нелепых,
В тюрьме зачем мне эти мощь и трепет?*

*Я сна лишь жажду, словно утешенья,
И то смыкаться не желают веки.*

(перевод А. Кодара) [2, 85]

ТҮС

*Жарық сәуле, Айды, Күнді көрмеймін,
Жарты өлік, толық өмір сүрмеймін.
Қуанышты, азат жүрген халықтың
Не істегенін, не дегенін білмеймін.
Қор болды ғой қалың қайрат, есіл күш,
Абақтыда қолдан келер қандай іс?
Ұйқы тілеп, көзді зорға жұмамын,
Амал қанша, жұбанышым жалғыз түс.*

[3, 112]

Ситуация между жизнью и смертью называется пограничной. Как никогда смерть сопутствует герою, угроза её становится привычной; резко снижается цена человеческой жизни. «Лагерь – отрицательный опыт, отрицательная школа, растрение для всех» (Шаламов В.). В поэзии ГУЛАГа статус слова гораздо выше. Слово становится единственным проявлением свободы. У. Андреева «Жду, обещенен позором темницы, мечен клеймом раба». Эпоха сталинизма низвела многие тысячи поэтов и писателей до уровня раба. (Виленский С. С.)

Жумабаев Магжан был одним из самых образованных деятелей культуры Советского Востока. Он хорошо изучил в своё время суфийские смыслы восточной поэзии. Суфизм в средние века являлся ключевой философской доктриной исламского мира. Поэтические образы арабской, персидской и тюркской поэзии содержат суфийские смыслы и представления.

Суфизм – это эзотерическое течение в исламе, проповедующее аскетизм и повышенную духовность. Последователей суфизма называют суфиями.

В культуре Востока имеется что-то очень особенное. Это открытие сделали европейские востоковеды в конце 17 века.

Одним из первых переводчиков восточной поэзии был Эдвард Фицджеральд (1809-1883). Четверостишия О. Хайяма, Хафиза, Руми долго не могли понять: в буквальном или переносном смысле из следует воспринимать.

Многие из стихов поэтов-суфистов воспринимались как прославление радостей винопития и т.д.

Думается, что знаменитое философское стихотворение «Бабочка» имеет прямой намёк на аллегорию суфийской поэзии, которая была изошрённой, мистической, философской и т.д.

В словаре суфийских образов есть мысль: «сгореть, как мотылёк. в пламени свечи». Это означает достичь состояния полного слияния и т.д.

Имея огненную суть и огненную плоть, поэт Жумабаев «зажигает» в своей поэзии символы огня, надежды, мощи, любви. Магжан предупреждает своих современников не подвергать себя слепым человеческим страстям. Поэт уподобляет себя огню, рождённому в небесной сфере. Лирик использует три образа в стихотворении «Бабочка» - это Солнце, огонь, свеча.

*На свече без оглядки
Бьётся лета лоскут,
На считая остатки,
Учащённых секунд.
Как медлительно странствие
Над свечою, – но – ах!
И частичка пространства
Превращается в прах.*

(перевод А. Парщикова) [2, 41]

Словесно-изобразительные компоненты сравнений: «лета лоскут», «частичка пространства», «прах» - это микропространства, а свеча – символ жизни.

КӨБЕЛЕК

*Отқа ұшар көбелек,
Қарамай сорлы алды-артын.*

Сорлы -- несчастная легкомысленная бабочка летит к огню, соприкосновение с которым сулит ему, мотыльку, гибель. Поступок бабочки бессмысленен, огонь – опасность для тех, кто совершает невысокие порывы. В итоге – никчёмная смерть. Глупо устремляться бабочке к огню. Можно отнести данное стихотворение, обращённое к молодёжи: нельзя обманываться внешней мишурой, блеском.

Главная мысль: путь поспешный бесславен.

В «Ураганной ночи» бескрайнее пространство – степь, а маленькая свеча помогает путнику осилить мрак. Новые молодые поколения казахстанцев поддержали на фоне мрачной картины свечу – чудо, символ добра, света, знаний.

В стихотворении «Тёмная буревая ночь» («Қараңғы, даулды түн») поэт Магжан верен своей неистребимой жажде: исцеляющему свету в слабых руках – свече. Свеча оказывается в страшную ночь бушующей стихии, она являлась надеждой, спасением для тех, кто оказался в плену ураганной ночи. Лирический герой верен себе.

*Чёрные тучи ползут отовсюду,
Только душа моя - светлое чудо
Благославляет и благодарит:
Свечка не гаснет, мерцает, горит!*

(перевод А. Кодара) [1, 34]

*Менсінбес жөпшендіні көп маңғаздар,
Тең таппай кекеп, мұқар сансыз пандар.
Қайырылып қарамасын, «қап» демеймін,
Табылар шыраққа көз салар жандар.*

[3, 72]

Многосмысловые значения приобретают у поэта образы огня, солнца, луны, звёзд. Слабый огонь свечек Магжана и

удивительное ощущение единства мира, единого мирового сознания, близости человека к тайнам космоса. Здесь в этих стихах, посвящённых слабым свечам, очень заметен космизм мышления поэта.

По глубокому утверждению Б. А. Жетписбаевой, «поэзия для Магжана – избранничество, высокий, священный дар, и путь поэта. осенённого «всеведеньем пророка», отнюдь не лёгок, он тернист. Презрев все невзгоды и лишения, он должен отдать себя служению людям, помочь им радикально перестроить мир, разомкнуть кольцо их многотрудного бытия навстречу потоку «вселенского света».

***Магжан Жумабаев
и моя семья***

Магжан Жумабаев и моя семья

Эта статья написана к столетию Жумабаева Магжана и является материалом из семейного архива.

Как известно мир не совершенен. Устоями общества являются корыстолюбие, страх, продажность. Конфликт мечты с действительностью не утихает тысячелетиями. Вместо желаемой гармонии на земле царят хаос и беспорядок. Более того, нечто подобное мы обнаруживаем в собственной душе, мы жаждем совершенства, а вокруг торжествует пошлость...

Сергей Довлатов

К столетию Магжана Жумабаева в 1993 году началась общегосударственная подготовка к юбилейным торжествам незаслуженно преданного забвению поэта, и в это время мне часто приходилось слышать: «Кто такой Магжан Жумабаев, почему мы раньше о нем ничего не слыхали»? Простые обыватели рассуждали так: раз не знаем, значит, не существует. Было очень обидно за поэта. Мало того, что утеряны безвозвратно его стихи, несколько поколений людей выросли, даже не зная его имени. А те, кто ценил и знал его поэзию, давно ушли из жизни.

Со мной было иначе. Сколько себя помню, с самых ранних лет я слышала от своей матери Сапуры Кожаметовой, от бабушки Гульсум (матери отца), позднее от отца, что нет поэта лучше Магжана. С раннего детства я поняла одно: о поэте только шёпотом, вполголоса. Вслух его имя произносить нельзя. Вопросов много мы не задавали: отец был репрессирован по ст. 58. п. 10. С детства мы привыкли к тому, что мы дети врага народа и молчать умели. Как писал Альфред Пряников: «...Средь кривотолков, путаницы вкусов Магжана стих – не искоркой блистал, не зря большой поэт Валерий Брюсов его казахским Пушкиным считал. Политиканские

нападки плетью звезду хлестали, погасить стремясь, и не годы – на десятилетия утратили казахи с нею связь».

Наша семья гордится тем, что в 20 годах 20 века поэт Магжан Жумабаев много раз останавливался у моей бабушки в ауле Кызылту, бывшего Бейнеткорского района (теперь район Магжана Жумабаева) Даировой Гульсум. Моя мать Сапура донесла до нас рассказы бабушки о его мужской красоте, аристократичности. Много лет назад поэт обещал выучить моего отца Зейниша, отметив его способности. Поэт называл мою бабушку Гульсум «нагашы – апа», часто жил у неё, спасаясь от милиции в годы гонения. Может быть, для кого-то это мелочь, а для нашей семьи факт общения великого поэта с бабушкой и отцом является предметом огромной гордости.

У отца моей матери Сапуры Кожахметой был старший брат Масалима, у него был сын Еслям. Они жили в Ебейті сор – это старица реки Иртыш, очень красивая местность. Это место нынешняя Омская область Полтавский район, близ села Платово.

Скрываясь от гонений, Магжан попал в Ебейті сор. В этот день там справлялись поминки (40 дней) по Есляму, который умер в тридцатилетнем возрасте.

Впечатлительную душу поэта поразили плач жены Есляма и отзывы аулчан о нём. И хоть поэт не был знаком с Еслямом, он написал стихотворение:

*Сонау Еслям үздік туған бала екен
Байтақ елге асқар таудай пана екен.
Сол баладан, сол панадан айырылып
Қалың жауар жүрегінде жара екен...*

*(в сборнике стихов за 1989 год
это стихотворение напечатано)*

Данное ниже стихотворение Магжана Жумабаева, донесённое до наших дней, благодаря моей бабушке Гульсум и матери Сапуры, ни в советское время, ни в наше время ни разу не напечатано. Время его написания точно не известно, посвящено Гульсум Камаловой.

*Сен бір айсың нұрландырған аспанды,
Уландырған, буландырған жас жанды.
Біз бір ғаріп паналаған саяңда,
Жас жүректе ыстық жара басталды.
Кірді нұрың, отты жақты ішіме,
Көтерем деп сене алмаймын күшіме.
Бірінші зар шықты тілден мұңданып,
Бұдан бұрын айтылмаған кісіге.
Тілейтінім, жүдейтінім бұл емес,
Минут, сағат, күндік, айлық, жыл емес.
Көрсеқызар, антын бұзар, қылжақбас,
Тұрлауы жоқ, әсіреқызыл мен емес.
Жас жүректің жарасы көп, тілегі,
Жарамдысын Сізден қалап біледі.
Әзіріне үміт Қаптың тауындай,
Жазылмыш түрін жауап қатса біледі.
Жас жүректің жарасы көп тұрғандай,
Келешекте қызғылықты күн қандай.
Келсе хатың үш бүктеліп тұмардай
Жүрегімде сақтар едім құрандай.*

К столетию поэта Магжана Жумабаева в июле 1993 года Республиканское телевидение из Алматы вместе с журналом Жайыком Бектуровым и композитором Ильёй Жақановым сняли видеофильм с песней Магжана в исполнении моей матери Кожакметовой Сапуры. С тех пор прошло почти 26 лет, так стихотворение не попало ни в один из сборников поэта.

Отец моего свёкра Темирхан Дыбысов 1887 года рождения. В возрасте 29 лет его отправили учиться в Омскую Учительскую семинарию, которая готовила учителей для казахских мектебов. Учился дед моего мужа вместе с Сабитом Мукановым, начинающим поэтом. За год до их поступления эту семинарию с отличием закончил Магжан Жумабаев, впоследствии он был назначен директором и преподавателем русской и казахской литературы. Видимо, к этому времени относится групповая фотография семи-



Преподаватели (в т.ч. Жумабаев - 2-й ряд, 3-й справа)
и студенты Омской учительской семинарии.
Фото из семейного архива Темирхановых. Ориентировочно 1918 г.

наристов вместе с преподавателями и Магжаном Жумабаевым. В течение всей своей многотрудной жизни, которая совпадала с репрессиями, раскулачиваниями, с жестокими запретами даже произносить имя поэта, его благодарный ученик Темирхан Дыбысов, который был старше поэта по возрасту, с риском для жизни сохранил групповую фотографию с изображением поэта. В глубокой тайне на дне сундука хранил дед фотографию до 1956 года, никто о её существовании не знал. Копия с этой фотографии была сделана для музея поэта в селе Сарытомар. Подлинник находится в селе Казгородок Энбекшильдерского района Кокшетауской области, на родине деда Темирхана.

Свою лепту в изучении жизни и творчества Магжана Жумабаева и семьи Темирхановых внесла правнучка Темирхана Асемгуль. Учась в 10 классе в 2000 году, за работу, представленную на республиканском конкурсе «Человек в истории. Казахстан – 20 век», она была награждена Почётным Дипломом победителя Конкурса и удостоена ценного приза. Работа её называлась «Рукопожатие через век». Вот что она пишет в конце своего исследования жизни семьи за 20 век: «Я горжусь своими дедушками, бабушками, прадедушками, прабабушками, которые сохранили несмотря ни на что духовность, человечность, любовь к красоте, к поэзии, человеческое достоинство. Мою руку жала моя бабушка Сапура, ей руки пожимал мой дед Зейниш, мою руку жал мой отец Баубек Фазылович, ему руку пожимал прадед Темирхан, а Зейнишу, когда он был маленький, и Темирхану во время учебы в учительской семинарии пожимал руки великий поэт Магжан Жумабаев. Значит, я могу пожать руки не только моим предкам, но и замечательному поэту Магжану Жумабаеву через поколения и десятилетия, почти через век».

На этом заканчивается небольшое семейное исследование. Достоверно одно: стихотворение-романс, сохранённое для нашего поколения моей матерью Кожахметовой Сапурой, не напечатано ни в одном сборнике стихов поэта, мелодию этой песни, по словам моей мамы, сочинил поэт Магжан Жумабаев.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

дело №

Каз. ССР

Архив
ССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел

~~11829~~

дело под № 11829 г. 1940
КГБ при СМ Казахской ССР

ДЕЛО №

3881

Закончено в 1940 г.

По обвинению *Мухоморова*
Матвея Викторовича
по ст. ст. 58-6 и 58-11 УК РСФСР

648 127

ТОМ №

Начато 30 декабря 1937 г.

Окончено " " " 1937 г.

Количество томов

Архив КГБ при СМ Каз. ССР

Регистрация в 1940 г.

Арх. №

4558

59/2

189

Оттиски

В Г У В С О В № 3

Материальная Секция

22 года

Чрезвычайная Комиссия Помощи Голодающим
 предлагает Вам спешно с сегодняшнего дня
 приступить к выселению беженцев живущих в дом
 по Боголюбенской улице дом № 10 / бывшая уз.
 больница /,; выселив таковых за город в бараки
 около мельницы Полякова. Помещение, инвентарь
 и кухню неразрушая передать в ведение П/отдела
 ПЗН при Губ. ОНО.

ПРЕДКОМИССИИ
 СЕКРЕТАРЬ

Исмаилов
 [Signature]

189
 КОМПЕТЕНТНАЯ
 УПРАВЛЕНИЕ Чрезвычайная
 КОМИССИЯ
 по борьбе с голодом
 Л. [Signature]
 189
 Губ. ОНО

Оттиски в срочном
 Редакция газеты "Богданов
 -тун"
 Препровести при сем обяза-
 тельное постановление № 14
 ЦКРКММММ просит помне
 стить таковое в завтраш-
 нем же номере газеты
 [Signature]

23

А.К.
Завед.
С.
И.
И.
И.
И.

предъявитель сего Заместитель председателя Исполнительной
губернской чрезвычайной Комиссии помощи Голодающим К У М А -
Б А Е В МАЖАН БЕКЕНОВИЧ командируется в Петропавловский
и Кокчетавский уезды для усиления работы по оказанию помощи
голодающим .

тов. КУМАБАЕВУ ПОРУЧАЕТСЯ:

1/ Произвести точный учет продуктов, поступивших в фонд
помощи Голодающим в местных органах помощи, проверить отчет-
ность последних, в случае же обнаружения дефектов и не-
счетов - немедленно устранять таковые .

2/ Произвести точный учет голодающих и прикреплять голо-
дающие районы к более благополучным .

3/ Принять меры к усилению притока добровольных пожертво-
ваний скотом, продуктами питания, путем агитации .

4/ Скот и продукты, поступающие по добровольному пожертво-
ванию - распределять среди голодающих на основании *общей*
характеристики на то правила .

5/ тов. КУМАБАЕВУ представляется право привлечь 4 кир-
работников, Аксакилов для агитации по усилению работ помощи
среди населения .

6/ Привлекать для перевозки продуктов подводы у населения
в порядке общественной помощи голодающим .

7/ Подавать телеграммы с подписью "срочно-голод"

8/ Все Советские учреждения и должностные лица призыва-
ются оказывать тов. КУМАБАЕВУ всемерное содействие к без-
прятетственному проезду его к месту назначения, и успешно-
му выполнению возложенных на него работ .

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
КИР. ЦНК. и Ц.К.П.Т.

СЕКРЕТАРЬ

100

гг. Регистратора 61927-28 учебной году

С какой время в границы от- решения	Какие сведения по- падают и каково дано нашей деятельности	Откуда к какой адресу	Какой по какой	Муниципальное назначение и присвоение
с 12/12 1924г. с 1925-6 г. и др. с переезда в прессован в 1925 году ар- мией.	Математическая и физич. ку. Программный состав знаний, умения и навыки использования теоретич.	Косыгин	Русский	И. М. Мухомов, В. М. Мухомов (по проекту). И. М. Мухомов С. М. Мухомов
с 1/12 1924г.	Косыгин	Косыгин Косыгин С. М. К. от 1/12-24г.	Косыгин	Косыгин- Л. Д.
с 1/12 1924г.	Математическая и физическая.		Русский	И. М. Мухомов

Регистратор
 Прохоровский
 Исполнительный директор

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

Зак. № 1000 от 30 авг. 1938 г. Иван Яковлевич Зинг, УЗНИК В СССР, Млад. Лейт.
(полное имя, отчество, фамилия)

родился в г. Вильнюс в семье инженера

отца Яковлев

мать и отчество Надежда Бекешевич

дата рождения 1893 года

место рождения Белгородский р-н в. Тимирязевское уездг

образованность г. Ленин-Атис ул. Лесная 89

пол. и гражд. (подданство) Кавказ, гр-н СССР

паспорт

(номер, серия, орган выдачи, номер, категория и место присяги)

занятия в младшей среде интернационал. связей
(место службы и должности)

социальное происхождение средний кл.
(род занятий родителей на момент рождения)

социальное положение (род занятий и имущество)

революции участок

пол. решения не принимал

члены семьи: жена - Дюмаева Зинаида Ивановна в браке законном
(полное имя, отчество, фамилия, адреса и род занятий)

дочь - Анна Дюмаева Александровна, Варшава, Мухоморова,

Тельманов, Ленинград и Сибирь, где они живут и как

относятся к делу, по делу, как и какое дело. Отец умер с

женщиной, которая была у своего отца Дюмаева

12. Образование (общее, специальное) Высшее, в 1925 г. осы
турско-турецкого военного института в Москве

13. Партийность (в прошлом и в настоящем) б/п.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда за что)
а) до революции Нель

б) после революции В 1929 году по ст. ст. 58-10 и
дескрипции Коллажской Остпу по 10 лет, как
любил в Социалистических и Английских лагерях

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов.
Нель

16. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете Нель

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отряде)
стве кого Нель

18. Служба в белых и др. к-р. армиях (когда в качестве кого) Нель

19. Участие в бандах, к-р. организациях и восстаниях Нель

20. Сведения об общественно-политической деятельности
в прошлом или карьера и др.

Примечание: Каждая страница протокола должна быть заверена подписью
лица в левом нижнем углу.

Нель

15/ В С С Р П *
В О Г О Л Я Н С К А Я
У П Р А В Л Е Н И Е
К О М И С С И Я
П О В О Г О Л Я Н С К О М У
В О П Р О С У

Л. Соловьев 2
5/11

Губ. Упр. по
делам
Губ. Упр. по
делам

Ст. 13 Сроков
Редакции газеты "Боец
-труд"

Крестьяне при сем обяза-
тельно поставившие № 14
губ. уполномоченный просит
считать таковое в записках
или же номере газет

губ. уполномоченный
Сироткин

59/12

189

Ступинский

В Г У С О 7 м. 3.
Старшая Секция

2 года

Чрезвычайная Комиссия Помощи Голодающим
предлагает Вам спешно сак с сегодняшнего дня
присутствовать к великому беднякам живущих в доме
по Боголюбской улице дом № 10 / бывшая уезд-
больница / в населенных таковых загородах в бараки
около мельницы Подкова. Помощники, инвентари
и кухни неразрушены, передать в ведение П/отдела
ГЭИ при Губ. ОНО.

ПРЕДКОМИССИИ Шумилов
СЕКРЕТАРЬ Шумилов

Страница 1/5

№ 22

Алголинская Губернская Чрезвычайная Комиссия
 Помгол предлагает срочно отвести подходящее
 помещение в районе Ченового двора под столо-
 вую, организуемую Губкомпомголом для галадиющих
 Киргиз. Об исполнении сообщите не позднее 12-1
 часов 12-го Июня:

ЗАМПУДРУЖКОМПОГОМ *Меркулов*

СЕКРЕТАРЬ *Виз*

Личный листок студента

Василий Анатольевич Сидорук
 Алголинский ВУЗ

- 1. Фамилия *Сидорук*
- 2. Имя *Василий*
- 3. Отчество *Анатольевич*
- 4. Пол *муж.*
- 5. Национальность *рус.*
- 6. Постоянное местожительство *г. Ташкент*
- 7. а) В каком учебном заведении обучался до поступления в ВУЗ *Сельскохозяйственный институт им. Мухоморова*
- б) Местонахождение учебного заведения, в котором обучался до поступления *Ташкент*
- в) Окончили ли в нем курс: *да*, нет -- подчеркнуть
- 8. а) Год первоначального поступления в ВУЗ вообще *1952 г. в Ташкент*
- б) Год первоначального поступления в данный ВУЗ *1953*
- г) Кем делегирован в ВУЗ *Мухоморовым Наркомпросом в Ташкент*
- 9. Профессия до поступления в ВУЗ *инж. раб. в р.з.м.п.с. газ. треста*

10. Профессия родителя	Хлебопашество	<i>Скарабеев</i>
	Рабочий	
Ремесленник		
Служащий - сов. и др.		
Школьный работник		
Красноармеец		
Торговля		
Свободная профессия		
Прочие		
11. Семейное положение	Холост, девица	
	Женат, замужем	
12. Партий- ность	Вдов, разведен	<i>Каждый М.м.а.</i>
	Член РКП	
	Член РКСМ	
	Член партии (какой)	
	Беспартийный	<i>Беспарт.</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жумабаев Мағжан Өлеңдер, прозасы және әдеби зерттеулер / Жумабаев Мағжан. – Петропавловск : Солтүстік Қазақстан облыстық әкімдіге, 2006. – 428 б.
2. Жумабаев Мағжан Избранное / Мағжан Жумабаев. - Москва : Русский раритет, 2006. – 255 с.
3. Жумабаев Мағжан Сүй, жан сәулем. Өлеңдер мен поэмалар / Жумабаев Мағжан. – Алматы : Атамұра, 2002. – 256 б.
4. Ахетов Амантай Постаменты. Мағжану Жумабаеву / Амантай Ахетов // Нива. – 1991. – №1. – С. 33.
5. Абдуллин Хамза Свеча в ураганной ночи / Хамза Абдуллин // Нива. – 1991. – №1. – С. 33-36.
6. Мережковский Д. С. Собрание сочинений в четырех томах. Т. IV / Д. С. Мережковский. - Москва : Правда, 1990. – 672 с.
7. Жумабаев Мағжан Исповедь / Мағжан Жумабаев ; [Перевод с казахского : Ауезхан Кодар; Составитель : Карибай Мусырман; Автор вступительной статьи : Алексей Давыдов; Автор вступительной статьи : Ауезхан Кодар]. - Петропавловск, 2011. – 375 с.
8. Жумабаев Мағжан. Жыр Жұлдызы / Мағжан Жумабаев. - Петропавл : Асыл мұра, 2002 ж. - 111 б.
9. Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. Қантар 1929 – шілде 1933 жж. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Январь 1929 – июль 1938 гг. В трех томах. Книга 2. - Алматы : Ел-шежіре, 2007. – 344 с.
10. Мони́на Н.П. Идеи космизма в поэзии Серебряного века / Н. П. Мони́на // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. - № 3. – С. 326-337.
11. Салмина И.Ю., Кузнецов Ю.В. Философско-религиозное и литературно-художественное направления в философии русского космизма конца XIX – начала XX веков / И.Ю. Салмина, Ю.В. Кузнецов // Вестник Мурманского государственного технического университета. - 2010. - № 2. - С. 370-377.
12. Жумабаев Мағжан. Шығармалары (өлеңдер, поэмалар, кара сөздер) / Мағжан Жумабаев ; [Құрастырушылар : Х. Абдуллин, Б. Дәрімбетов Б, З. Жұмабаева; Кіріспе мақала-

ның авторы : Әбділда Тәжибаев]. – Алматы: Жазушысы, 1989. – 448 б.

13 Касаткина В.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева / В.Н. Касаткина. - Москва : Просвещение, 1978. – 176 с.

14 Когай Е.А. Социальная экология. Человек и природа в русском космизме / Е.А. Когай // Социально-гуманитарные знания. - 1999. - №2. – С. 74-75.

15 Русский космизм : Антология философской мысли / [Составление и предисловие к текстам : С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; Примечания : А.Г. Гачевой]. - Москва : Педагогика-пресс, 1993. - 366 с.

16 Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. – Москва : Деловая книга, 2015. - 522 с.

17 Бурабаев М.С. Общественная мысль Казахстана в 1917-1940 гг. / М.С. Бурабаев. - Алма-Ата : Галым, 1991. – 256 с.

18 Кудаш С. О судьбе казахского поэта М. Жумабаева: копия письма народного поэта Башкирии первому секретарю ЦК КП КазССР Д. Кунаеву. 1969 г. / С. Кудаш // Дружба народов. – 1988. - №12. – С. 163-168.

19 Жетписбаева Б.А. Образные миры Магжана Жумабаева / Б.А. Жетписбаева. – Алматы : Нур-пресс, 2008. – 156 с.

20 Азаров А. Казахские писатели внутри Большого террора. Режим доступа:<https://rus.azattyq.org/a/kazakhskie-pisateli-bolshoy-terror/28888198.html>.

21 Библиотека русской классики. 100 томов. Том III. Русская литература XVIII века. Книга вторая. М.Н.Муравьев, Г.Р.Державин, Н.М.Карамзин, М.Д.Чулков, В.В.Капнист, А.Н.Радищев. - Москва : Слово, 2008.

22 Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том 1. / М.Ю. Лермонтов. - Москва : Правда. - 1988. - 719 с.

23 Жұмабаев М. Таңдамалы: (өлеңдер, поэмалар, зерттеулер, аудармалар) / М. Жұмабаев. - Алматы : Ғылым, 1992. - 272 б.

24 Жумадилова М., Адаева Е. Перевод концептов в поэзии Магжана Жумабаева / М. Жумадилова., Е. Адаева // Русский язык и культура в зеркале перевода. - 2016. - №1. - С. 159-171.

25 Аймухамбет Ж.А., Саркенова К.К. Использование мифопоэтизмов в изображении «ночи» в казахской литературе /

Ж.А. Аймухамбет, К.К. Саркенова // Современные проблемы науки и образования. - 2012. - № 6. - С. 144.

26 Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. - Москва : Республика, 1994.- 527 с.

27 М. Хайдеггер и К. Ясперс: общее и различное в понимании экзистенциализма / А.Г. Столярова // Studium. - 2014. - №3. - С. 1-10.

28 Сапина Д.В. Мотивы экзистенциальной философии в поэзии ГУЛАГа / Д.В. Сапина // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2011. - № 8. - С. 198-202.

29 Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий / В.В. Заманская. - Москва : Флинта, 2002. - 302 с.

30 Багандов Н.Н. Об отношении к смерти в исламе / Н.Н. Богданов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. - 2009. - №4. - С. 263-268.

31 Ефремова Л.М. Экзистенциализм в литературе и искусстве / Л.М. Ефремова // Филологические науки. - 2009. - № 2. - С. 117-120.

32 Надыршина Л.Р., Ганиева А.Ф. Экзистенциальные мотивы в татарских поэмах начала XX века / Л.Р. Надыршина, А.Ф. Ганиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2018. - № 9-2. - С. 283-286.

33 Сочинения в четырех томах. Священник Павел Флоренский. Т. 3 (1). - Москва : Мысль, 2002. - 621 с.

34 Кадыров Ж.Т., Ахметова Т.А., Синбаева Г.К., Кулибекова Ж.С. Влияние социально-политической ситуации начала XX века на творчество Магжана Жумабаева / Ж.Т. Кадыров // Путь науки. - 2015. - №3. - С. 86-88.

35 Жангуттин Б.О. Магжан Жумабаев: страница биографии / Б.О. Жангуттин // Мир большого Алтая. - 2017. - № 2. - С. 228-241.

36 Ауэзов Мурат Уйти, чтобы вернуться / Мурат Ауэзов // Родина. - 2004. - № 4. - С. 88-89.

37 Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступительная статья, подготовка текста, составитель

и комментарии О.С. Фигурнова, М.В. Фигурнова. - Москва : Наталис, 2001. - 544 с.

38 Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова (ВЛХИ) (Москва. 1921-1925) / РГАЛИ. Ф.596. Оп.1. Российский государственный архив литературы и искусства. Режим доступа: <https://rgali.ru/obj/10465803>.

39 Смирнова-Козлова А. Валерий Брюсов и брюсовцы / А. Смирнова-Козлова // Огонек. - 1981. - № 38. - С. 22-23.

40 Севастьянова В.С. «Бездна» и «мир» в поэзии Андрея Белого (у истоков «системы символизма») / В.С. Севастьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2010. - №1-2. - С 188-194.

41 Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм А. Камю, Ж.П. Сартр. - Москва : Политиздат, 1989. - 398 с.

42 Хайдеггер Мартин Время и бытие / Мартин Хайдеггер. - Москва : Республика, 1993. - 447 с.

43 Русская философия смерти: антология / [Составитель К.Г. Исупова]. - Москва : Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. - 663 с.

44 Жумадилова М.Н. Когнитивные аспекты концептов в поэзии Магжана Жумабаева / М.Н. Жумадилова // Язык и культура. - 2015. - № 17. - С. 133-139.

45 Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. Статьи и рецензии 1893-1924. Далекое и близкое / В.Я. Брюсов / Москва : Художественная литература, 1973. - 652 с.

46 Демин В.Н. Русский космизм: от истоков - к взлёту / В.Н. Демин // Вестник Московского университета. Серия 7.- 1996. - № 6. - С. 3-18.

47 Кодар Ауэзхан Поэт огня и скорби (вступительное слово к новым переводам Магжана Жумабаева в книге «Исповедь») / Ауэзхан Кодар // Интернет-газета Zona.KZ. - 2009. - 28 января. - Режим доступа: <http://www.zonakz.net/blogs/user/abdraman-xotar1902/4280.html?mode=reply>.

48 Козлова А.Н. Образы постсоветской эпохи в повести Ауэзхана Кодара «Порог невозврата» / А.Н. Козлова // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции. 2016. - С. 18-19.

49 Меньшиков Т.В. Поэтические предтечи «русского космизма» / Т.В. Меньшиков // Знание. Понимание. Умение. - 2008. - № 4. - С. 6.

50 Блок А.А. Избранные сочинения / А.А. Блок. - Москва : Художественная литература, 1988. - 687 с.

51 Овчинникова К.Н. Концепт Солнце сквозь призму космического пространства в творчестве Магжана Жумабаева / К.Н. Овчинников // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. - 2016. - № 11. - С. 86-90.

52 Олжаев А. Политолог призвал к раскаянию Союза писателей Казахстана. Режим доступа: <https://365info.kz/2014/11/politolog-prizval-k-raskayaniyu-soyuz-pisatelej-kazaxstana>.

53 Кичигина В.В. Эволюция русского космизма в отечественной поэзии XVIII-XX вв. / В.В. Кичигина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2018. - № 10. Ч. 2. - С. 255-260.

54 Хетагурова Д.К. Тема молитвы в поэзии символизма (К.Д. Бальмонт и А.И. Токаев) / Д.К. Хетагурова // Тенденции развития науки и образования. - 2019. - № 47-5. - С. 33-38.

55 Каширина С.В. Роль художественного пространства в постижении литературного текста / С.В. Каширина // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2006. - № 9. - С. 180-185.

56 Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – 11-е издание. – Москва : РИПОЛ классик, 2011. – 800 с.

57 Воронова О.Е. Экзистенциальные мотивы в творчестве С. Есенина как объект научного исследования / О.Е. Воронова // Современное есениноведение. - 2014. - № 29. - С. 50-52.

58 Хартикова А.В. Художественная картина мира автора и текста / А.В. Хартикова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. - 2013. - № 4. - С. 102-107.

59 Мусат Р.П. Художественная картина мира в системе картины мира / Р.П. Мусат // Гуманитарные и социальные науки. - 2015. - 4. - С. 19-28.

60 Гушин Е.Ю. Влияние русского космизма на творчество В.Я. Брюсова / Е.Ю. Гушин // Булгаковские чтения. - 2018. - № 12. - С. 67-71.

61 Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература / Е.Э. Бертельс. – Москва : Наука, 1965. – 522 с.

62 Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилев. – Москва : Профиздат, 1991 г. – 336 с.

63 Сергей Есенин. Собрание сочинений в трёх томах. Том 1. Стихотворения (1910-1925) / Сергей Есенин. – Москва : Правда, 1983. – 431 с.

64 Западов В.А. Русская литература XVIII века, 1700-1775: хрестоматия / В.А. Западова. – Москва : Просвещение, 1979. – 447 с.

65 Тютчев Ф.И. Библиотека русской классики / Ф.И. Тютчев. – Москва : Слово, 2008.

66 Маяковский В.В. Сочинение в трёх томах. Т. 1. Я сам. Стихотворения / В.В. Маяковский. – Москва : Художественная литература, 1973 г. – 560 с.

67 Бальмонт Константин. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи / Константин Бальмонт. – Москва : Правда, 1991. – 608 с.

68 Большая Советская Энциклопедия. Издание 3-е. В тридцати томах. Т. 23: Сафлор - Соан / Главный редактор А.М. Прохоров. - Москва: Советская Энциклопедия. – 1978. – 640 с.

69 Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. - Москва: Советская энциклопедия. – 1987. – 752 с.

С. З. ТЕМИРХАНОВА

**ФИЛОСОФСКИЕ
МОТИВЫ В ПОЭЗИИ
МАГЖАНА
ЖУМАБАЕВА**

Верстка: Ржавина Е. В.

Формат 33x48 1/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. 12,5 усл.п.л.

Отпечатано в ТОО «Издательство «Северный Казахстан»
150001, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5